

30 Октября

№ 139 2017

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ЛЮДМИЛЕ АЛЕКСЕЕВОЙ — 90

Людмиле Михайловне... Сколько? Нет, не говорите, не поверю!

Время подведения итогов у каждого свое. Одни — молчалины, привыкшие «угождать всем людям без изъятия», — выходят маленькими старичками уже со школьной скамьи, но с ними и так все ясно. А ведь и среди вчерашних бунтарей есть готовые «памятники себе» — те, кто будто бы с пеленок знал, что такое хорошо и что такое плохо, и всю жизнь, не ошибаясь, шел заранее намеченным путем: впереди — враг, чуть позади — безымянные соратники.

Претензий на бронзу и мрамор не найти в воспоминаниях Алексеевой «Поколение оттепели». Казалось бы, можно почивать на лаврах, уподобиться парадному портрету, но нет! В книге Алексеевой, галерея ярких людей и событий, отчетливо видно умение посмеяться над собой. Читается на одном дыхании! Как она в дни разлада с первым мужем носила обувь на высоких каблуках, чтобы быть выше его, а когда мирились — надевала обувь без каблука. Как второй муж, прекрасный Коля Вильямс, уже отсидевший при Сталине по делу «Братства нищих сибаритов», придумал песенку «Коммунисты поймали мальчишку», вынося мусор с четвертого этажа. Или как году в 1969-м она рассказывала единомышленникам, что по пути из Украины на обыске изъяли важную информацию, сокрытую, извините, в бюстгальтере, — и тут же прозвучал зычный голос генерала Григоренко: «Шо ж вы прячете там, где все лязят?»

Есть еще умение видеть, удивляться, возмущаться. Расти, совершать ошибки — и признавать их. Начать преданной комсомолкой, честным советским человеком — и как раз через эту честность и преданность прийти к пониманию и отрицанию преступной власти. И — умение брать на себя ответственность.

«Алексеева символизирует преемственность поколений» — неплохая была бы фраза для краткого курса истории какой-нибудь симпатичной партии (гипотетической). — Примеч. «30 октября»! А если серьезно, важнейшая проблема для всех, кто поддерживает эту «партию», — разрыв этой самой преемственности.

Мне кажется, причина (проблемы разрыва преемственности. — Примеч. «30 октября») в том, что при вступлении в наследство достаются не только богатства, но и долги, не только слава, но и ответственность. Уже не одно поколение в русском общественном движении ведет себя как «первые люди на Земле»: с нас все начинается, а до нас ничего не было. Если вспоминать настоящих героев недавнего прошлого, их

Окончание на с. 2

5 августа 2017 года на Мемориальном кладбище «Сандармох» (Республика Карелия) состоялся традиционный Международный день памяти жертв Большого террора 1937–1938 годов. С 1998 года 5 августа в Сандармох приезжают родственники расстрелянных, чтобы почтить память своих родных и близких. Сандармох в этот день посещают делегации из российских регионов, из других стран, представители дипломатического корпуса. На Мемориальном кладбище проходит траурный митинг, возлагаются цветы, священнослужители разных конфессий проводят поминальные службы. В этом году более 200 человек приехали на День памяти.

В 1930-е годы урочище Сандармох под Медвежьегорском использовалось как место расстрела и захоронения осужденных жителей Карелии, ссыльных «трудпоселенцев» и заключенных Беломорско-Балтийского лагеря НКВД. С 27 октября по 4 ноября 1937 года в Сандармох были привезены и расстреляны 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы особого назна-

Окончание на с. 2

САНДАРМОХ-2017 БЕЗ ЮРИЯ ДМИТРИЕВА

АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ — НЕДОНОСИТЕЛЬ И ПОЭТ

В издательстве НЛО готовится книга критической прозы и записных книжек Александра Семеновича Цыбулевского (1928–1975). В нее войдет и его диссертация — блистательный сравнительный анализ переводов поэм гениального Важа Пшавела русскими гениальными переводчиками — Цветаевой, Заболоцким, Мандельштамом и Пастернаком. Его оригинальные стихи и проза — в целом — одно из интереснейших явлений русской словесности своего времени. При этом известность творчества Цыбулевского заметно отстает от той художественной ценности, которую оно собой представляет.

Вот краткий очерк его жизни. Александр Семенович — Шура — Цыбулевский родился 29 января 1928 года в Ростове-на-Дону. Но с самого раннего детства — с двухлетнего возраста — и до самой смерти 17 июня 1975 года он прожил в Тбилиси, если не считать пятилетней «путевки» в Рустави от НКВД.

Отец, Семен Яковлевич, 1897 года рождения, был из Одессы, откуда и переехал в Ростов. Переехал потому, что в годы НЭПа владел часовой мастерской, где содержал наемных трудящихся, из-за чего поступить в Одессе в ВУЗ его сын не смог бы. Спокойный, представительный, авторитетный, умевший налаживать и улаживать дела. Лично на слух он не жаловался, но в Тбилиси стал председателем республиканского Общества глухих и главной артели глухих стариков, выпускавших пояса из кожи. Он частенько навещался в Москву, где — замужем за известнейшим почвоведом Виктором Абрамовичем Ковдой (1904–1991) — жила его сестра¹. Главной целью его поездок в столицу были снабженческие и сбытовые дела артели.

Дела у отца шли неплохо, и пока он был жив, никакой нужды семья не испытывала. Но отец умер рано — в 1955 году, едва успев поприветствовать сына, вернувшегося из лагеря годом раньше.

Но и при живом отце всем в семье заправляла Елизавета Исаковна,

Шурина мама². Своего единственного сына она воспитывала (или думала, что воспитывает) посредством перманентных наставлений, а поскольку он ее явно недостаточно слушался, то и шумных скандалов. (Из ее высказываний: «Шура разве еврей? Шура идиот!» и т.п.).

Одним словом — классическая «идише мама» со всем невыносимым неистовством ее любви. Такое отношение, как, впрочем, и перебранки, совсем неплохо вписывалось в коммунальный уклад тифлиссских дворов: у соседей, среди которых были и грузины, и армяне, тоже было свое право и на семейные скандалы, и на «правильные советы» любимым соседям. Маму же Шура не слушал, точнее, не слышал. Но он ее щадил и соприкасаться с ней старался как можно меньше (тактика, вероятно, перенятая от отца).

Шура учился в 9-й (см. ниже) русской школе (в районе им. 26 Бакинских комиссаров). В аттестате, который он получил 28 июля 1945 года, пятерки стоят по всем предметам, кроме трех — четверки по геометрии, по русскому языку и по русской литературе.

NB! Sic! По русскому языку и по русской литературе?

Но это не помешало ему поступить именно на русское отделение филфака Тбилисского университета. В той же 11-й группе, что и он, учились студенты постарше, например бывшие красноармейцы Алексей Силин и

— Какой я поэт!
— Не скажите, могу вам открыть по секрету, что после неизбежной, как вы понимаете, смерти — все мы смертны — стихи ваши получили признание и еще долго имели определенное хождение у любителей... Да и проза ваша нравилась — этикие руины, развалины несостоявшихся стихотворений.
А.Цыбулевский.
«Шарк-шарк»

Буллат Окуджава, долговязый грек Лев Софианиди (Левка), родившийся в 1926 году не где-нибудь, а в Герцогстве Люксембургском! Или лучшие факультетские красавицы — Ара Арутюнова, Элла Горелова и Нора Атабекова.

Все — или почти все — вертелось тогда вокруг стихов: о них спорили, из-за них ругались, ради них тут же мирились, снова читали и снова спорили. Все, разумеется, писали и сами... Главным авторитетом и ментором в вопросах поэзии, равно как и первым синдиком поэтического цеха, был Шура Цыбулевский. Он был на четыре года младше Булата, уже печатавшегося в многотиражке «Боец РККА»³, но именно он стал для Окуджавы первым читателем и старшим товарищем⁴. Это он указал Булату на его главные дефекты того времени — упоение собой и дефицит эрудированности, распахнул для него окна в мир не только русской, но и мировой по-

Продолжение на с. 10

1. Еще одна сестра жила в Сухуми.
2. Она родилась в 1898 г. и умерла в 1965 г.
3. Под псевдонимом А. Долженков (Быков Д. Булат Окуджава. — М.: Молодая гвардия, 2009.) Розенблюм О. М. Окуджава в 1946–1948 годы // Вестник РГГУ. 2008. № 9. — С. 161–166.
4. Заря Востока — Тбилиси, 1984. — 9 мая.

Дорогие читатели!

Вы хотите получать газету по электронной почте? Отправьте в редакцию запрос на бесплатную pdf-подписку по адресу: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на издание и дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если у вас нет компьютера, сообщите свой адрес почтой, постараемся передавать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Поиски захоронения Анны Барковой	с. 4
Зачем вам Ван Гог?	с. 5
«Если будет памятник — значит, кто-то задумается...»	с. 6
Акция памяти жертв Большого террора в Перми	с. 7
Две жизни заключенных Нарлага	с. 8

НОВАЯ КНИГА ПАМЯТИ ОМСКА, ОНА ЖЕ — ПОСЛЕДНЯЯ

В Омске была представлена новая Книга памяти «Невольные сибиряки» о депортированных в Омскую область немцах и калмыках. Эта книга стала последним трудом бюджетного учреждения «Редакция Книги памяти жертв политических репрессий Омской области». Редакция ликвидирована. О новой книге и о том, в чем причины закрытия учреждения, рассказала «30 октября» главный редактор издания Мария Сбитнева. Какое значение имеет потеря такого коллектива для исследователей темы репрессий, историков и людей, ищущих своих репрессированных родных, поделился своим мнением Ян Рачинский.

Продолжение на с. 3

ЛЮДМИЛЕ АЛЕКСЕЕВОЙ — 90

Окончание. Начало на с. 1

слова и дела, нам, «проспавшим» то время и вдруг проснувшимся, становится неуютно, возникает вопрос: «А где тогда был я?» Вопрос порою столь неприятный, что многие предпочитают его себе не задавать. Так и закладывается разрыв поколений. Перестроечная публицистика, перепечатавшая и перепекая тексты и идеи публицистики диссидентской, делала это, как правило, без ссылок на источники и авторов. А поколение, вышедшее на улицу «белой зимой» 5 лет назад (зима 2011/2012 года. — Примеч. «30 октября»), предпочитало не вспоминать события и героев предыдущих двенадцати лет. Ведь тогда встали бы вопросы: «Что, я голосовал за ЭТУ власть?», «По крайней мере, не голосовал против...» — а то и покруче...

В сборнике «Ответственность поколения»¹ Людмила Михайловна объясняет, что нашла для себя примерно такую формулу: «Ответственные мы все, наше поколение в целом, — за то, что случилось на нашем веку, пусть даже не нашими руками и не с нашего благословения. За то, что содеяно с нашего молчаливого согласия, при нашем бездействии и по-

пустительстве. Пусть у меня и не такая ответственность, как у Берии, но ведь я тоже тут жила, преподавала, читала людям политграмоту, в партию вступила!»

«Где был я?» — трудный вопрос для соотечественника, жившего в России последнюю четверть века. Но без ответа, без выбора этого «где», то есть точки, с которой огля-

дываешься назад, невозможно оценить время и себя в этом непрошедшем времени.

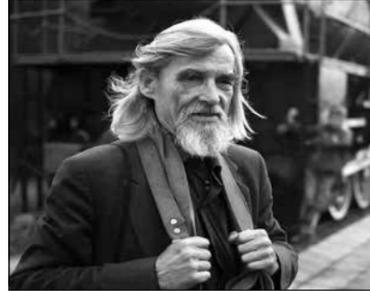
Алексеева эту работу сделала. «Это — твой мир, твоя жизнь, и ты — клетка, частица ее. Ты не должен позволять запугать себя. Ты должен сам за себя отвечать, и этим ты в ответе за других», — писал Юлий Даниэль в повести «Говорит Москва». Это как будто про нее, про Людмилу Михайловну Алексееву.

Александр ЧЕРКАСОВ,
председатель Совета ПЦ «Мемориал»

*P.S. Редакция «30 октября»
поздравляет известную
правозащитницу
и своего литературного редактора
с днем рождения.*

1. Сборник интервью Валерия Чалидзе с Татьяной Литвиновой, Виктором Некрасовым, Мстиславом Ростроповичем, Владимиром Максимовым, Эрнстом Неизвестным, Татьяной Ходорович, Наумом Коржавиным, Вероникой Туркиной, Людмилей Алексеевой, Леонидом Тарасоком, Александром Есениным-Вольпиным. Издан в 1981 г. в Нью-Йорке. Издатель: Chalidze Publications.

На снимке: Людмила Алексеева в эмиграции. Конец 1970-х — начало 1980-х. Фото из архива «Международного Мемориала»

САНДАРМОХ-2017
БЕЗ ЮРИЯ ДМИТРИЕВА

Окончание. Начало на с. 1

чения, в числе которых — многие выдающиеся деятели науки, культуры, религиозной и общественной жизни Татарии, Удмуртии, Республики немцев Поволжья, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и других регионов бывшего СССР.

Всего, по оценкам историка Юрия Дмитриева, в урочище захоронено более 6 тысяч жертв террора. Захоронение было обнаружено в 1997 году поисковой группой Петербургского и Карельского «Мемориала» (Вениамин Иофе, Ирина Флиге, Юрий Дмитриев).

Осенью 1997 года Общество «Мемориал» и правительство Республики Карелия официально открыли в Сандармохе мемориальное кладбище и установили первые памятные знаки на обнаруженных могильных ямах. Тогда же было принято решение учредить ежегодный Международный день памяти жертв, приурочив его к 5 августа — дате начала в 1937 году первой, самой многочисленной и одной из самых жестоких «массовых операций НКВД» периода Большого террора — так называемой «операции по приказу 00447».

По замыслу учредителей Международного дня памяти, он призван стать символом общности судеб народов Восточной Европы, вечным предупреждением миру о бессмысленности и безнравственности насилия как средства решения политических проблем в любом государстве.

В этом году — в год 80-летия начала Большого террора — День памяти в Сандармохе проводится в 20-й раз. На этот раз подготовка к нему проходила без участия карельского историка Юрия Дмитриева — одного из первооткрывателей захоронения, составителя книг памяти Республики Карелия: с декабря 2016 года он находится под арестом по абсурдному обвинению. (О подоплеке обвинений и ходе судебного разбирательства «30 октября» подробно писала в № 138.) Участники предыдущих Дней памяти активно поддерживают Юрия Дмитриева в общественной кампании в его защиту.

В год 20-летия открытия в Сандармохе приехавшие международные делегации и представители из Литвы, Польши, Финляндии, Швеции, Нидерландов, Норвегии, Германии, Украины и США. Впервые в этом году Сандармох посетил генеральный консул Соединенных Штатов Америки Томас Лири.

С мужем и детьми приехала генеральный консул Королевства Норвегии в Санкт-Петербурге Хейди Олуфсен. «Мне кажется, что для моих детей, как и для других людей, это тоже важно: узнать о событиях 80-летней давности, чтобы пом-

нить о них и чтобы они не повторились вновь. Мне очень нравится надпись на одном из камней у входа в мемориал: люди не должны убивать людей, а должны уважать и ценить друг друга и права человека, — сказала Хейди Олуфсен. — Количество людей, пришедших сюда сегодня, подчеркивает важность места и важность труда Дмитриева. Я надеюсь, что судебный процесс в отношении Дмитриева будет справедливым и правосудным».

О Юрии Дмитриеве, руководителе Карельского отделения «Мемориала», говорили 5 августа многие. День памяти впервые прошел без него — человека, благодаря которому появился мемориал. Многие родственники, которые приезжают из года в год на Дни памяти, узнали о месте захоронения своих предков благодаря Юрию Дмитриеву. Стараясь сдержать слезы, к ним обратилась с трибуны его дочь Екатерина Клодт: «Папа переподдал всем огромное спасибо, он чувствует поддержку, он очень благодарен, что все помнят это его дело. Спасибо большое!»

Руководитель Научно-информационного центра «Мемориал» Ирина Флиге сказала, что в 2017 году много круглых дат, время подводить итоги. «Сегодня исполняется 20 лет, как в этом лесу наша экспедиция — Юрий Дмитриев, Вениамин Иофе и я — обнаружила эти расстрельные ямы. Тогда нам казалось, что все, вот — это черта под прошлым, и теперь, сегодня, мы будем говорить только о памяти. Но так не случилось. Наш друг и коллега Юра Дмитриев находится в тюрьме и, находясь в петрозаводском СИЗО, он продолжает борьбу не только за свою свободу и честь против клеветы, которая на него навешана. Дело Юрия Дмитриева стало одной из вех борьбы за память, честь и свободу. Сегодня мы все — с Юрой Дмитриевым, а он — здесь, с нами и среди нас», — сказала Флиге.

В Петрозаводском городском суде с 1 июня идет закрытый процесс. Юрия Дмитриева обвиняют по трем статьям. За то время, что Дмитриев находится в СИЗО, в его поддержку выступили сотни человек: писатели, ученые, общественники, правозащитники, журналисты, музыканты, артисты, православные священники и участники Международных дней памяти жертв Большого террора. Видеообращения со словами поддержки Дмитриеву записали поэт Дмитрий Быков, музыкант Борис Гребенщиков, актер Евгений Цыганов, писатель Александр Архангельский, режиссер Андрей Звягинцев. Правозащитный центр «Мемориал» призвал Юрия Дмитриева политзаключенным.

*По материалам Фонда Иофе,
ПЦ «Мемориал»,
интернет-издания «7x7»
Горизонтальная Россия»*

На снимках:

Дочь Юрия Дмитриева Екатерина Клодт.

Фото Сергея Маркелова, 7x7-journal.ru

Один из сотен поминальных знаков

Сандармоха. Юрий Дмитриев.

Фото Сергей Маркелов,

7x7-journal.ru

О НЕДООЦЕНЕННЫХ ЗАСЛУГАХ

Более половины россиян (62%) согласны, что памятные доски, цитаты, бюсты и картины, прославляющие государственные успехи бывшего советского вождя Иосифа Сталина, нужно размещать в публичных местах. При этом 65% граждан против установки знаков, сообщающих о его неудачах и преступлениях, сообщил ВЦИОМ по результатам опроса населения¹. Поводом для проведения этого исследования стала резонансная история с установкой мемориальной доски Сталину в Московской государственной юридической академии (МГЮА) им. Кутафина.

26 июня был опубликован опрос Левада-центра, согласно которому Сталин занимает первое место в списке самых выдающихся людей всех времен и народов. К таковым его причисляют 38% респондентов. У Владимира Путина и Александра Пушкина — по 34%. Апрельский опрос Левада-центра зафиксировал, что число россиян, которые считают сталинские репрессии политическим преступлением, за 5 лет сократилось с 51% до 39%².

24 июня на сайте для размещения петиций Change.org было опубликовано обращение с требованием демонтировать доску в честь выступления Сталина. На середину августа собраны 24 800 подписей. Обращение адресовано ректору МГЮА Блажееву и главе Минобрнауки Ольге Васильеву. Известие о появлении в стенах МГЮА мемориальной доски И.В. Сталину вызвало большой общественный резонанс.

Адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор МГЮА Генри Резник уволился из МГЮА: «Сталин — это антиправо. И в честь могильщика права — главной ценности современной цивилизации — памятная доска устанавливается в храме юридической науки. Нет, увольте. Это край. Из числа профессоров МГЮА выбываю».

Об отказе участвовать в мероприятиях МГЮА и проводить встречи со студентами академии также заявил полномочный представитель правительства в высших судебных инстанциях Михаил Барцевский. Сотрудники кафедры конституционного и административного права ВШЭ отказались от участия в любых мероприятиях Московской юридической академии из-за установленной в здании памятной доски Сталину, говорится в их обращении, опубликованном членом Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека Ильей Шаблинским в Facebook. «Мы, коллектив кафедры конституционного и административного права НИУ «Высшая школа экономики», не собираемся давать оценки этому и просто хотим заявить, что пока эта доска висит в здании МГЮА, ни один сотрудник кафедры не будет участвовать в научных и иных мероприятиях, проводимых академией».

Пресс-служба МГЮА объяснила появление мемориальной доски постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». В заявлении МГЮА сказано, что постановление 1960 года «в настоящий момент действует и прямо предписывает обозначение зала как памятника культуры местного значения, подлежащего охране».

Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков заявил 28 июня, что официальной позиции Кремля по этому вопросу «быть не может» и что «история здесь должна восприниматься максимально адекватно», передает «Интерфакс».

В заявлении правления нижегородского отделения Российского «Мемориала» от 27 июня 2017 года говорится, что «политический террор, олицетворением которого был Сталин, признан в России преступным, жертвы репрессий — реабилитированы. Эта страница истории стала укором и назиданием потомкам. Но беззаканность палачей возратилась к нам новым вызовом реабилитации Сталина, за символом которого наследники тирана готовят повторение кровавой бойни для народа».

Российская общественность стала свидетелем установки еще одной мемориальной доски, посвященной Сталину. Такой чести удостоилось высшее юридическое учебное заведение России — Академия юридических наук.

Говорят, это было сделано в порядке исполнения советского наказа 1960-х годов, сделанного для потомков. Как, мол, не выполнить то, что сделано во исполнение постановления Совета Министров? Но куда мы придем, встав на путь исполнения решений тех или иных советских органов?»

Нижегородский «Мемориал» считает, что несчастливым то, что установка доски произошла в год столетия октябрьского переворота 1917 года и 80-летия другой памятной даты: «2 июля 1937 г. на места ушла подписанная Сталиным телеграмма — немедленно приступить к казням враждебных элементов». Именно эта дата стала считаться началом Большого террора.

Члены Нижегородского «Мемориала» считают, что «заслуги» Сталина в тексте мемориальной доски были явно недооценены. Только в 9-томнике нижегородской Книги памяти собрано уже более 40 тысяч имен незаконно репрессированных, а работа над ним еще далеко не закончена.

Огромное число жертв репрессий «стало результатом успешного внедрения в сознание населения идеологии тоталитарного государства, а затем науськивания народа на против «троцкистско-бухаринских наемников» в 1930-х годах, то против диссидентов в 1960–1970-х, то, в рамках того же «вечно жи-

вого учения», против академика А.Д.Сахарова в 1980-х.

Да, «сталинская линия» здесь налицо. В итоге Большой террор и другие сталинские «мероприятия» сократили население страны примерно на 100 миллионов человек.

Но, может быть, это и есть подлинное «заслуги» Сталина, раскрывающие его лицо?

Установка мемориальных досок и памятников, отмечающих каждый шаг, сделанный Сталиным под разными благодетельными предлогами, есть не восстановление исторической правды, а наиболее короткий путь к его реабилитации», — уверены в «Мемориале» Нижнего Новгорода.

1. Опрос был проведен 7–8 июля 2017 г. методом телефонного интервью по случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1200 респондентов в возрасте от 18 лет. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 3,5%.

2. Опрос проведен 7–10 апреля 2017 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью.

НОВАЯ КНИГА ПАМЯТИ ОМСКА, ОНА ЖЕ – ПОСЛЕДНЯЯ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

«Это одно из самых полных, качественных и добротных российских изданий, посвященных репрессиям», — так охарактеризовал Книгу памяти Омска член правления Международного общества «Мемориал», сопредседатель Московского «Мемориала» Ян Рачинский.

«Предоставленная информация очень подробна и имеет отсылки к архивным делам. Это по-своему уникальное издание, и не только потому, что сделано 11 тольких томов о так называемой «уголовной репрессии» — то есть о тех, кто получил срок или был расстрелян. Не менее важно то, что на этом работа не остановилась. В прошлом году закончилось издание пяти-томника «Крестьянская голгофа» — труд, который, как мне кажется, сопоставить не с чем. Здесь работа была проведена максимально полно: включены все имена, которые удалось узнать», — рассказал «30 октября» Ян Рачинский, заметив, что аналогичные издания проводились не столь скрупулезно.

Из-за позиции местного МВД пришлось материал поделить довольно странным образом, продолжил правозащитник. В первый том вошли имена тех людей, кто был административно реабилитирован, то есть в отношении этих граждан подавались заявления, и впоследствии они были реабилитированы. Остальные же 4 тома включают в себя имена людей, в отношении которых заявления не подавались — таким образом, реабилитации не было.

«Работу можно смело назвать колоссальной, так как, помимо МВД, использовались государственные архивы, где были проработаны огромные массивы дел по выселению. Последнее, что успела сделать редакция, — том по национальным высылкам. Речь идет о немцах и калмыках», — сказала Рачинский.

Коллектив Книги памяти мог сделать еще очень многое, считает правозащитник, если бы власти региона всерьез восприняли концепцию работы издания. Прежде всего, необходимо было развить уже существующий формат, включить в него данные и госархивов, и личных, частных архивов. «Конечно, нужны не только списки имен, но и материал более широкий. Для этого собран большой архив воспоминаний, документов. Часть архива уже вошла в изданные книги, но это далеко не все. Для просветительской работы нужна не только Книга памя-

ти. Сборники документов, очерков, воспоминаний можно использовать с большим успехом в работе с аудиторией», — уверен Рачинский.

Работа редакции осталась незавершенной. Виною тому решение омских властей сэкономить, решив, что задача информирования о репрессиях уже выполнена. Еще одна проблема, на которую посетовал Рачинский, — взаимодействие с другими регионами, которые не всегда к этому готовы.

«Сейчас редакция уже не работает. В последний год нас содержали с натяжкой. По мнению власти, в области катастрофически не хватает денег, поэтому закрываются многие учреждения, в том числе и наша редакция. Она оказалась, видимо... «энергоёмкой», что ли», — считает Мария Сбитнева.

Бюджет редакции составлял без малого 2 миллиона рублей. Деньги шли на оплату офиса, налоги, заработную плату сотрудникам редакции, технику.

«Оказалось, что для бюджета это «великая» сумма. Но мне смешно — конечно же, это не так. Мы относились к Управлению политики Омской области. Это означает, что официально редакция была самостоятельным бюджетным учреждением, но финансовые потоки и всякого рода мероприятия шли через ведомство. В последние годы в нем шла большая текучка, менялись руководители, и с последним, Станиславом Сумароковым, найти общий язык не удалось. Очевидно, он был взят для реструктуризации системы СМИ в регионе, а под каток попали и мы», — рассказала Сбитнева.

Именно с Книги памяти новое руководство Управления политики Омской области начало ту самую реструктуризацию. Уже после 22 июня, когда состоялась презентация последней книги, к главному редактору обратились из ведомства, предложив продолжить деятельность в сети «на общественных началах».

«Это можно интерпретировать как «идите, куда хотите». В управлении добавили, что нам будет выделена комнатка в газете «Омская правда». Конечно же, это скорее безобразия», — сказала Сбитнева.

Журналистка обратилась к чиновнику в вопросом — готов ли он работать на общественных началах, на что получила ответ — «да».

«Тогда переводите свою заработную плату нам — этого хватит на месяц», — предложила я. Предлагать работать на общественных началах — полный бред. Если я получаю пенсию, то остальные

сотрудники работают за зарплату. Понимания мы не нашли.

В управлении уверяли, что необходимо переводить издание в Интернет — мол, на бумаге уже никто не работает, однако Сбитнева парировала: «Мы не относимся к СМИ, а выпуск бумажной версии — зачастую единственное, что есть о человеке».

«Бывало, над тремя строчками рыдали взрослые мужчины. И что такое перевести в электронную версию? Наши герои, если еще живы, это люди преклонных лет, которые не умеют пользоваться компьютером. Глубокая фальшь, что издание в сети будет востребовано».

ФИНАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Презентация книги «Невольные сибиряки» 22 июня охарактеризовалась теплотой и душевностью, несмотря на минорность темы. Мероприятие было приурочено к очередной годовщине начала Великой Отечественной войны. Последнее издание содержит информацию о судьбах советских немцев и калмыков, которые были депортированы в Сибирь.

В начале мероприятия Мария Сбитнева зачитала письмо Яна Рачинского, который не смог присутствовать на презентации. «Жалею, что меня не будет с вами в день презентации этих лучших и, увы, последних томов».

Тем холоднее воспринимались слова Станислава Сумарокова, который также принял участие в презентации: «Книга памяти — это историческое явление для Омской области! Очень радует, что бесценные архивные данные собраны в этих книгах. Жаль, что некоторые финансовые сложности не позволяют продолжать издание в прежнем виде, но в ближайшее время мы оформим новое предложение для членов редакции. Они смогут работать на базе 12-го канала и выпустить электронные издания, которые будут доступны не только специалистам, но и широким кругам». Предложение было встречено без восторга.

Помимо Сумарокова, выступила этнограф из ОмГУ, соавтор книги Татьяна Смирнова. Она напомнила о Республике немцев Поволжья — национальной автономии поволжских немцев, существовавшей в составе РСФСР с 19 декабря 1923 года до 28 августа 1941 года. В 1941 году там насчитывалось около 805 тысяч человек. Половина из них была депортирована в Казахстан, остальные «уехали» в Сибирь. В Омскую

область попали 84 тысячи советских немцев.

Любопытно, подчеркнула Смирнова, что, скажем, чеченцы, крымские татары и прочие народы уехали к себе на родину, а немцы так и остались в Сибири.

«Какой цинизм! Почему немцев не отпустили?» — «Они хорошие работники! Кто будет работать, если не они?»

«История советских немцев — это длинная и трагичная история. И я хочу выразить надежду, что работа будет продолжаться», — заключила Татьяна Смирнова.

Выступил и глава немецкой культурной автономии Омска Виктор Эйхвальд.

«У российских немцев 2 дня скорби: сегодня, 22 июня, и 27 августа (27 августа 1941 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли закрытое постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.» — *Примеч. ред.*), когда мы собираемся у камня на Тарской», — сказал он.

Эйхвальд напомнил, что немцы были реабилитированы только в 1956 году, и лишь в 1972 году им было разрешено вернуться в Поволжье. Однако возвращаться решили немногие, так как уже сменилось поколение. На закате СССР Михаил Горбачев разрешил немцам выехать в Германию, куда те и поехали.

«Некоторые говорят: «Чего вы жалуетесь? Да вам повезло, что вас вывезли, многие могли погибнуть». Но это не предмет для спора. Вопрос — в итогах. А итоги таковы, что мы понесли серьезные потери, которые никогда не будут восполнены. Мы носили клеймо депортированных десятилетиями — но в первые месяцы войны с врагом сражались 33 600 солдат, офицеров и генералов-немцев! Многие сражались и позже, под русскими фамилиями. Многие стали Героями Советского Союза... Обрусевший немец Николай Гастелло стал символом русского мужества! Я вырос в немецкой деревне, директором в нашей школе был русский, Иосиф Иванович, скромный человек — и мы долго не знали, что у него 4 ордена Красной Звезды. Однажды 9 мая он говорил с нами о войне, и потом я спросил у отца: «Вы же одногодки. А где ты был тогда?» Он промолчал. Отец был в другой армии, «трудовой», куда забирала девочек с 15 лет, мальчиков с 16», — вспоминал Эйхвальд.

Наиболее любимым Сбитнева назвала фрагмент из 5-томного цикла «Крестьянская Голгофа» («30 октября» подробно писала об издании в № 122).

«УЖАС ТАМ БЫЛ...»

Мне довелось участвовать в хлебозаготовительной кампании 1929 года, еще до раскулачивания. Вот как это было. Я не работал в органах, просто в 1929-м меня вызвали со спиртоводочного завода «Центроспирт», где меня знали как комсомольского активиста, в губком комсомола. Проинструктировали. Я понял, что задача была такова: распространение акций среди крестьян на покупку тракторов. Послали

нас, помню, на север. Меня — в Большереченский район. Там я месяц и пробыл. Собирал актив, комитет бедноты, учителей.

«Один раз собрание нам сорвали кулаки и подкулачники, они были против покупки тракторов. Мы убеждали, вместе работали-пахали, и тут у нас чуть было второй раз не сорвалось. Кто-то пустил слух, будто хлеб от трактора пахнет керосином. Ну, что за ерунда! Стали убеждать, что это не так. Потом разгорелись кулацкие выступления: восстали Седельниковский, Усть-Ишимский, Муромцевский районы — Тара была окружена. Это были настоящие мятежи, организованные бывшими белогвардейскими офицерами, оставшимися в деревне в качестве учителей, писарей, кооператоров.

«А Кулай мы организовали. Ребята из нашей группы, не я лично, я был простой стрелок... Перед самой отправкой нам пришла шифровка: прибыть на место в такой-то квадрат. Зачем, что — никто не объяснял. Ну, старший, по фамилии Масалов, комендант ОГПУ, конечно, знал. А нам не говорили. Сашка Коротков, мы с ним в комсомоле были, был назначен уполномоченным ОГПУ. Еще с нами отправился наемный радист, его рекомендовал начальник спецсвязи ОГПУ, еще несколько человек... Дали нам проводников, отправились. Куда и зачем — не знаем.

В начале марта 1930 года добрались до места, там никого еще не было. Потом приказали встречать обоз, подготовить складские помещения. Топоров у нас не было, то есть они были, но мало на 30-то с лишним человек. На снегу спали.

В марте же 1930-го пришла партия кулаков. Не помню точно, сколько... где-то около сотни. Две недели мы жили прямо на снегу. Большие костры жгли. Целый день топим-топим. Расчистим на ночь, хвой положим, полшубки — тепло было, не замерзали. Снег-то в тайге глубокий, метра 2. И ветра нет. Сделали просеки, стали ставить шалаши, на ночь выставляли «секреты».

Первым комендантом на Кулае стал Масалов, а уполномоченным ОГПУ — Саша Коротков...

Везли на Кулай со всех районов. Казахи приехали, привезли с собой юрты. У них и печки были. Постелют кошму — тепло... Масалов приказал мужчинам идти делать общие шалаши, а женщин, которые приехали с маленькими детьми (были и с грудными), поселили в юрты. К весне уже стали строить дома.

Везли кулаки с собой какие-то припасы. Летом мы выдавали им одну пшеницу. Норму, правда, не помню. Стали знакомиться между собой. Я, например, помню одного ссыльного, у него была непостоящая история. Он — бывший штабс-

Окончание на с. 4 ➤

На снимках:
Книги памяти Омской области.
Мария Сбитнева.
Виктор Эйхвальд
и Татьяна Смирнова.
Фото Редакции Книг Памяти Омской области.

НОВАЯ КНИГА ПАМЯТИ ОМСКА, ОНА ЖЕ — ПОСЛЕДНЯЯ

➤ Окончание. Начало на с. 1, 3

капитан царской армии, во время войны перешел к красным. В органах ЧК работал, был членом партии. Потом стал учителем в школе и как бывший офицер оказался зачисленным в кулаки... Я его и потом, уже в Омске, встречал, жаль, не помню его фамилии.

При мне освободили одного мужчину (да, случалось и такое, на Кулае освобождали). Он был сослан за эксплуатацию чужого труда. А если разобраться... Был у него годовалый ребенок, жену увезли в Тарскую больницу. Подошло время сеять, вот восьмилетняя девочка и сидела с его ребенком... Много было такого. Ужас там был. Не знаю, что уж дальше там происходило, нас сменила милиция.

Бежали оттуда, конечно. В основном молодежь. Но болота... Вот я сам, меня с пакетом отправляли в Тару, дали проводника. Он один дорогу знал. Весной, когда растаяло, наставил там вешек. Три километра болот я шел 4 часа. А люди дороги не знали, тонули в болотах. Я сам то руку, то ногу торчащими из трясины видел. Сейчас понимаю, что там, наверное, нефть была, газы какие-то. У многих наших ребят кровь носом шла.

К спецпереселенцам в нашей комендатуре все хорошо относились. Работали они, строили себе дома, амбары построили. Место было хорошее там. Такая высота... Расчищали земли, чтобы пахать можно было. Рыбы много, хоть руками лови. Перед болотами были хутора латышские и эстонские. В одном из них у нас был склад боеприпасов, продуктов. Отсюда все и возили.

Конечно, условия для жизни там были не совсем нормальные — тайга, болота. А туда же столько человек навезли — со всех районов. А нам приказано охранять. Пришел однажды к нам человек и сказал, что нас, охрану, разоружить хотят.

Нас разоружить могли свободно — отряд был небольшой. Если бы вся масса напала... А эти трое, вооруженные, что из-за болот пришли, хотели всю массу поднять. Коротков принял меры к их розыску, но не нашли. Мерток, кстати, и стал потом комендантом, а Масалова отозвали в Омск на должность коменданта охротдела ОГПУ. Знаю, что потом был он где-то в Новосибирске расстрелян как враг народа.

За Кулай нам потом выдали большие деньги: с марта по сентябрь заплатили. Я в комендатуре отвечал за отпуск продуктов: грамотный был, раньше учился в кооперативном техникуме. Масалов выписывал, а я отпускал — блокнот у меня был. Отпускалась только пшеница.

Что сами охранники ели? Рыбачили. Рыбы там было много. Шишки, черемуха, малина. Поселенцы стали делать себе огороды: кто-то семян, кто-то картошки привез. Одна бабка 2 ведра картошки привезла. Одно съела, другое на весну, на посадку оставила.

Ненависти к спецпереселенцам как к классовым врагам никогда и ни у кого в спецкомендатуре не было...

Редакция закрылась, с июля не напечатано ни строчки. Переговоров с властями о возобновлении деятельности не ведется.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

ПОИСКИ ЗАХОРОНЕНИЯ АННЫ БАРКОВОЙ НА НИКОЛО-АРХАНГЕЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ

В № 137 «30 октября» была опубликована статья об Анне Барковой. Одновременно с выходом номера в редакцию попал материал, рассказывающий о ней совсем с другой точки зрения. Его автор поставил себе цель найти захоронение Барковой. И сделал это. О том, как проходили его поиски, он и написал в газете.

Я давно хотел отыскать могилу замечательной русской поэтессы. В разных источниках сообщалось, что урна с прахом Анны Барковой захоронена на московском Николо-Архангельском кладбище вблизи станции метро «Новокосино», но точное место захоронения нигде не указывалось, и найти его оказалось не очень простой задачей. Само кладбище — огромное. Осматривать могилы и колумбарные захоронения подряд — целой жизни не хватит.

Уже упоминалось, что родных у Анны Александровны не осталось и кремацию организовали несколько ее друзей и поклонников. А было ли кому востребовать урну с прахом? Может быть, так никто и не востребовал? И прах Барковой высыпали в общую могилу невоинственных прахов там же, на Николо-Архангельском?

Захоронить урну могли как в земле, так и в колумбарии. И опять же — кто запомнил ее захоронение? Прошло 40 лет. Провожавшие Баркову в последний путь были уже тогда в возрасте. По-видимому, их уже нет в живых. Возможно, смотреть за захоронением некому, и оно могло просто исчезнуть как бесхозное.

Ну а если захоронение сохранилось, то его и по учетным книгам огромного кладбища весьма затруднительно разыскать, потому что между кремацией и временем захоронения урны могло пройти много месяцев, и заранее неизвестно, в каком именно журнале можно сведения о захоронении найти. Да мне и не разрешат копаться в журналах, а электронной базы данных на Николо-Архангельском кладбище пока нет.

Имея в виду все высказанные соображения, я в августе 2016 года пришел в контору Николо-Архангельского кладбища и спросил, не могут ли его службы назвать мне место захоронения Барковой Анны Александровны, умершей 29 апреля 1976 года. Работник администрации кладбища отнесся к моей просьбе крайне благосклонно, пригласил меня в свой кабинет и очень заинтересованно стал со мной разговаривать, мы с ним даже немного побеседовали на историко-литературные темы, он тут же в Интернете про Баркову посмотрел. Для начала он просмотрел журнал захоронений урн в земле в 1976 году Барковой там

не оказалось. Тогда оставалось только одно — просмотреть журналы по колумбариям. Если и там не окажется, значит, захоронение либо затерялось, либо урну с прахом Анны Александровны погребли на другом кладбище. Это было наше общее мнение.

Сотрудник администрации вышел в другое помещение и вернулся через 10 минут. Он сказал, что, как выяснилось, журнал колумбарных захоронений за 1976 год сгорел много лет назад, но по другим документам видно, что в 1976 году заполнялся колумбарий № 3, находящийся на кладбищенском участке 1-9. Этот участок расположен непосредственно у дорожки, ведущей от входа на кладбище к закрытому колумбария (многим москвичам она известна). Работник администрации порекомендовал мне туда сходить и осмотреть указанный колумбарий: возможно, захоронение Анны Барковой находится там.

Ясно, что если бы урну с прахом Анны Барковой подзахоронили в уже существующее родственное захоронение, то вероятность нахождения захоронения именно в колумбарии № 3 была относительно мала — существующее родственное захоронение могло находиться в другой части кладбища, и мои поиски кончились бы ничем. А поскольку у Барковой родных не было, то ее урну установили в никем не занятой нише, «в порядке очереди». Тут шанс уже значительный. Но вдруг урну Барковой подзахоронили в семейное захоронение кого-то из ее друзей? Так что осмотр я начал, не имея полной уверенности.

Колумбарий № 3 представляет собой 6 стен, занятых захоронениями с обеих сторон. Получается 12 рядов, соответственно пронумерованных. Каждый ряд делится на 3 секции (без буквы, буква «А» и буква «Б»).

Я начал последовательный осмотр с наружной стены (ряд № 1) и довольно быстро, при осмотре ряда № 3, обнаружил в секции 3-Б захоронение с надписью «Анна Александровна Баркова. 16.07.1901—29.04.1976». Здесь же — ее строка «Русский ветер меня оплачет» и факсимиле поэтессы. Я сделал фото захоронения (см. фото 4, 5). В дальнейшем я разместил точные координаты захоронения Анны Барковой на посвященной ей странице Википедии — пусть люди знают, куда цветы принести.

Анна Баркова родилась в Иваново-Вознесенске 16 июля 1901 года. Там же училась в гимназии, где ее отец служил швейцаром. С восторгом она приняла Октябрьскую революцию 1917 года. С 1918 года печаталась в ивановской газете «Рабочий край» под руководством А.К.Воронского — старого революционера, видного деятеля большевистской партии, прозаика и литературоведа, основателя литературной группы «Перевал». Баркова публиковала стихи, которые были замечены и высоко оценены прежде всего «левой», революционной критикой.

В 1922 году Анна переехала в Москву по приглашению А.В.Луначарского, оценившего поэтические опыты юной поэтессы, и стала его секретарем. Однако вследствие конфликта Баркова покинула секретариат Луначарского и пыталась устроиться в различные газеты и издательства Москвы.

В 1922 году выходит ее единственная прижизненная книга стихов «Женщина» с восторженным предисловием Луначарского. В следующем году отдельным изданием публикуется пьеса «Настасья Костер».

Начало 1920-х годов — вершина официального признания Барковой. Ее стихи приобретают широкую известность, о ней начинают говорить как о «пролетарской Ахматовой», выразительнице «женского лица» русской революции. Поэтессе покровительствует Мария Ульянова.

Однако поэтесса все больше замечает глубокое расхождение реальности с идеалами революции. Ее мятежная натура довольно быстро приводит ее к глубокому конфликту с советской действительностью. Она не может найти себе место в официальных литературных и околосредовых структурах. Ее перестают печатать.

В конце 1934 года Анну Баркову арестовывают в первый раз и заключают на 5 лет в Карлаг (1935–1939 гг.), в 1940–1947 годах она живет под административным надзором в Калуге, где работает уборщицей в школе и дворничихой. Там в 1947 году ее арестовывают повторно и на этот раз заключают в лагерь в Инту, где она содержится до 1956 года. Все эти годы Анна Баркова продолжает писать стихи.

После освобождения и реабилитации в 1956–1957 годах Анна Александровна жила в Донбассе, в поселке Штеровка близ Луганска. К этому времени относятся ее работы в прозе (повести «Восемь глав безумия», «Как делается луна», «Счастье статистика Плаксюткина»).

Осенью 1957 года соседка «настучала» в милицию, что Баркова не регистрирует свой радиоприемник (в 1959 году Н.С.Хрущев вообще отменит регистрацию радиоприемников). К Барковой явилась милиция и придралась к никем не читанным черновикам ее художественных произведений. 13 ноября 1957 года, несмотря на «хрущевскую оттепель», Анну Баркову арестовывают в третий раз (как и прежде, по обвинению в антисоветской агитации по еще формально действовавшей в тот момент статье сталинских времен) и приговаривают к 10 годам лишения свободы в колонии строгого режима. (Через несколько месяцев максимальный срок лишения свободы по статье об антисоветской пропаганде и агитации был снижен до 7 лет, однако на судьбе Барковой это не отразилось.) Несмотря на то, что Баркова была инвалидом 2-й группы, болела туберкулезом и была нетрудоспособна, свой срок она отбывала в Сиблаге, в Озерлаге, а затем в Мордовских лагерях (в Потьме).

В 1964 году о трагической судьбе поэтессы узнают писатели и депутаты Верховного Совета СССР Константин Федин и Александр Твардовский. Начинается многомесячная борьба за освобождение и реабилитацию Анны Барковой. В апреле 1965 года Анна Александровна была освобождена из лагеря. В начале она жила в домах инвалидов в Потьме. В конце 1965 года, благодаря помощи Союза писателей СССР, Баркова переехала в Москву, где сначала жила у друзей, а с осени 1966 года и до конца жизни — в коммунальной квартире по адресу Суворовский бульвар, дом 12, кв. 43. Александр Твардовский сумел выхлопотать ей небольшую пенсию.

Анна Баркова продолжала писать стихи до конца жизни, однако все — только «в стол». Своей литературной реабилитации она не дождалась. Ее фамилия в 1970 году мелькнула в очередном томе «Литературного наследства»: «Баркова Анна Александровна (р. в 1901 г.) — советская поэтесса... книга ее стихов «Женщина» вышла в 1922 г. ...В дальнейшем тяжело заболела и отошла от литературной деятельности».

Анна Александровна Баркова скончалась в Москве 29 апреля 1976 года. Родных у нее не осталось. Хоронили ее несколько поклонников ее поэтического творчества. Союз писателей и Литфонд отношения к этому не имели — покойная ни там, ни там не состояла.

Публикация произведений Барковой началась только в 1990-е годы — несколько сборников стихов были изданы в Иваново и в Красноярске. Одно из наиболее полных изданий стихов, прозы и драматургии Барковой — книга «...Вечно не та» (М.: Фонд Сергея Дубова, 2002). Опубликованы также дневники и проза Барковой («Восемь глав безумия»: Проза. Дневники. М.: Фонд Сергея Дубова, 2009).

Таким образом, местоположение колумбарного захоронения замечательной русской поэтессы XX века Анны Александровны Барковой на Николо-Архангельском кладбище: участок 1-9, колумбарий № 3, секция 3-Б. Состояние захоронения — хорошее. Мраморная колумбарная плита — чистая, надпись четко сохранилась. Обмуровка плитки — прочная. Так что за сохранность данного памятника истории и культуры нашей страны можно не беспокоиться. Похоже, что владелец у него есть.

Но на всякий случай в дальнейшем стоит выяснить, числится ли захоронение за конкретным владельцем или оно, не дай бог, бесхозное. Тогда надо принять меры по его взятию под охрану. Но уж этот

вопрос я решил на этот раз администрации не задавать — они мне и так очень много помогли. Я даже не ожидал такого благосклонного приема. После обнаружения захоронения Барковой я пошел в контору, еще раз поблагодарил работника администрации и назвал ему координаты найденного захоронения. Возможно, им это пригодится, если они когда-нибудь разместят у входа план кладбища с указанием мест захоронения известных людей.

Алексей АЛЯКРИНСКИЙ

На снимке: Найденное место захоронения Анны Барковой на Николо-Архангельском кладбище, Москва. Фото автора

Если спросить Сергея Николаевича: «Зачем вам Ван Гог? Зачем вам эти книги по истории живописи, многочисленные альбомы репродукций, диски с записями интерьеров знаменитых европейских музеев?» — его ответ будет предельно прост: «Чтобы доставлять людям радость». Вот уже четверть века он делится своей любовью к творчеству известных (и не очень) художников с членами «Мемориала».

В «Мемориал» Сергей Николаевич вступил летом 1992 года, и уже в сентябре начались его «Беседы о живописи». Первая беседа (называть эти встречи лекциями он категорически отказывается — нет искусствоведческого образования) была о любимом им Ван Гоге. И в этом, юбилейном сентябре 2017 года — снова о нем же, но уже с новыми мыслями, с новыми впечатлениями, которые дала поездка в Голландию, посещение музеев художника в Амстердаме, в Оттерло.

Не только живопись предмет его рассказов на встречах в «Мемориале». В 91 прожитый год вместились так много событий, случившихся с ним самим, с семьей, со страной!

«До 1937 года жизнь нашей семьи текла как у тысяч других семей российских интеллигентов. Отец — инженер, мать — главный бухгалтер Дома Радио. Дед со стороны отца — иконописец с корнями в Новгородской губернии, бабушка со стороны матери — выпускница Смольного института. В семье средний достаток, но — прекрасная библиотека, старый бехштейновский рояль.

И эта жизнь надломилась и потекла совсем иначе, когда в ночь на 21 декабря (кстати, день рождения Сталина) моего отца после долгого и бессмысленного обыска увезли на Литейный, 4 — центр, куда стекались потоки обреченных на скорую смерть в подвалах Большого дома или на долгие годы мучительного умирания в лагерях. Когда после реабилитации отца в 1957 году разрешили ознакомиться с его «делом», я узнал, что отец был расстрелян 18 января 1938 года как член РОВС (Русский Обще-Воинский Союз. — *Примеч. ред.*), замышлявший вместе с другими преступниками убить А.А.Жданова во время праздничной демонстрации. Конечно, ни о каком РОВС и не слышал, но вот в годы Первой мировой войны он честно сражался с немцами, дослужился до звания прапорщика, имел воинские награды. К нему в дом приходили друзья, прошедшие через военные годы, вспоминали былое. Вот и группа заговорщиков, вот и повод казнить еще несколько человек...

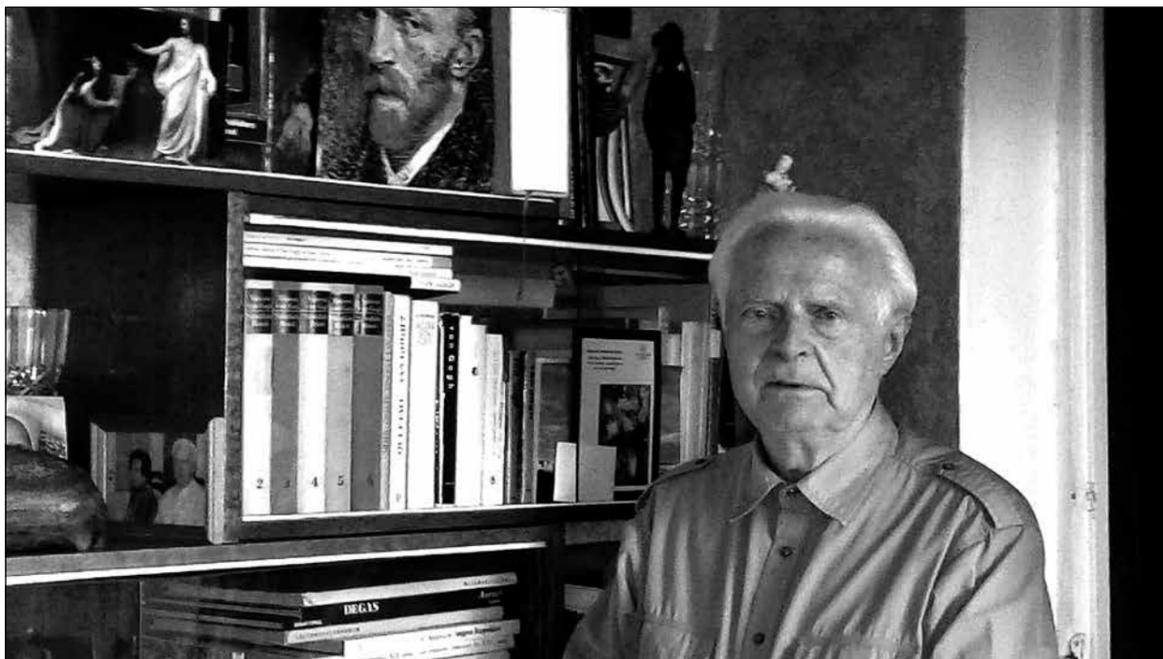
12 декабря 2016 года была установлена табличка «Последнего адреса» в память о моем отце, Николае Петровиче Богданове, на стене дома 6 по Кирочной улице в Санкт-Петербурге, откуда его забрали и куда он уже никогда не вернулся. За это великое спасибо самоотверженным и прекрасным людям, которые осуществляют проект «Последний адрес»!

Жена и сын «врага народа» в марте 1938 года были сосланы в г. Кустанай Казахской ССР. Надо сказать, что в эти годы население Казахстана едва ли не наполовину состояло из ссыльных. В Ленинграде осталась одна тяжело болевшая бабушка. Ее сын, брат моей матери, заслуженный летчик-испытатель и близкий друг Чкалова (до его смерти в 1938 г.), живший в Москве, осаждал все высшие инстанции просьбами разрешить сосланному вернуться в Ленинград. Осенью 1940 года ссылку заменили на «минус 100». Это означало возможность поселиться в любом месте, но не ближе, чем за 100 км от крупных городов (Москва, Ленинград, Киев, Свердловск и т.п.). И сосланные Богдановы, мы с мамой, переехали в г. Ржев. До начала войны оставалось 6 меся-

цев. Жизнь в Ржеве оказалась еще более сложной. Работы у матери долгое время не было, затраты на переезд и обустройство сделали жизнь почти нищенской. Только в начале 1941 года с трудом, после проверок, мать приняли на должность бухгалтера горкомхоза.

А дальше, после 22 июня, ход нашей жизни определялся уже другим палачом — бесноватым фюрером. 10 сентября директор горкомхоза и секретарь партбюро собрали всех сотрудников и произнесли пламенные речи, призывая не поддаваться панике и заверяя, что Ржев никогда не будет взят немцами. Но... 12 сентября все руководство и горкомхоз, и всего города бежало на восток. Попытались уйти от немцев и мы. Мать нашла брошенную кем-то телегу со старой хромой лошадей, уговорила двух местных женщин, умевших обращаться с такой «техникой», бежать вместе с нами, и мы двинулись в сторону г. Калинина. На половине дороги мы встретили тех, от кого бежали. Калинин уже был взят немецким десантом. Мы вернулись в Ржев и, поселившись в баньке на участке дома, где до бегства снимали комнату (дом был занят немцами), пережили ужасную зиму 1941-42 г. Стыдно жаловаться, зная теперь, какие муки переносили в это же время жители Ленинграда, но было действительно тяжело. Одни в еще совсем чужом городе, не к кому обратиться не то что за помощью, а просто за словом сострадания. Спаслись мы только потому, что полудохлая лошадь, на которой мы пытались бежать в Калинин, оказалась в этих условиях вполне съедобной. Убить животное и разделить тушу взялись соседи, они же за кусочки конины давали нам по несколько полузамерзших картофеля. А мясо в эту на редкость холодную зиму долежало до весны. В начале августа 1942 года наш «квартирный» (русский полицейский) обошел все дома и переписал молодых (начиная с 14 лет) ребят. До какого возраста — не знаю, да и не было в городе мужчин, годных к отправке на работу в Германию. Были старики и инвалиды. Числа 20 августа всех попавших в списки собрали, погрузили в теплушки и через Сувалки (там — санитарная проверка и обработка) довели до Магдебурга, где был «невольничий рынок» — распределительный лагерь, откуда потребители рабочей силы набирали себе команду будущих рабов. В группе из 15 человек я попал в концлагерь при военном заводе в городке Хальберштадт-ам-Харц. Условия жизни в лагере описывать не буду, скажу только, что это не был лагерь уничтожения, немцам были нужны живые работники. Но жизнь в нас буквально едва теплилась. Работа была тяжелой — копать в окрестных холмах штольни, куда немцы, уже ощутившие удары союзнической авиации, планировали перевести производство. Еда, в отличие от работы, — «легкая»: утром и вечером пайка хлеба с железным кофе, в обед (его привозили полевые кухни) — миска похлебки из сушеной брюквы. К этой похлебке по воскресеньям давали еще один маленький кусочек хлеба и на нем 50 г сырого конского фарша...

9 апреля 1945 года американская авиация уничтожила завод, который так и не успели спрятать в штольнях, а заодно с ним и маленький уютный городок Хальберштадт с населением тысяч 25. За что? Этого я не пойму никогда. Лагерь же остался цел — видимо, потому, что в нем был огромный сектор с пленными американцами и англичанами (они работали на заводе). Освободили нас американцы, но через месяц эта территория отошла к советской зоне оккупации в обмен на зоны в Берлине. И снова я вернулся под крыло «вождя всех народов». После проверки спецгруппой СМЕРШа я «вытянул счастливый билет»: военкомат призвал меня в

ЗАЧЕМ ВАМ ВАН ГОГ?

В предыдущем (138-м) номере «30 октября» вышла статья под заголовком «Лицо Петербургского «Мемориала». Это название придумали в редакции, для нас оно было неожиданным. Мы поняли, что должны продолжить рассказ о замечательных людях Петербургского «Мемориала», которые с начала 1990-х годов и по сей день проводят культурно-просветительские встречи для членов «Мемориала», их родных, друзей и знакомых.

В сентябре этого года мы будем отмечать две важные даты: 25-летие рассказов о живописи и 91-летие рассказчика — председателя правления Петербургского «Мемориала» Сергея Николаевича Богданова.

армию. И еще 5 лет в Германии. И снова за проволокой: выходить с территории гарнизона нельзя, общаться с местным населением нельзя. Оставалось только добровольно нести службу в роте охраны штаба 16-й воздушной армии. Это время прошло для меня не зря: последние два года службы я был уже старшиной роты, и командование разрешило мне посещать занятия в вечерней средней школе, организованной в гарнизоне для офицеров. Так я прибавил к своему образованию еще 8-й и 9-й классы. И самое главное — при оформлении документов на демобилизацию в 1951 году местом постановки на воинский учет был указан город Ленинград!

В родном городе еще жила бабушка. В одной комнате, оставленной ей в четырехкомнатной квартире после ареста моего отца, она чудом пережила блокаду, сжигая или меняя на крошку хлеба редкие книги. Удостоилась она и медали «За оборону Ленинграда». Я начал работать учеником электромонтера на прядильно-ниточном комбинате им. С.М.Кирова и одновременно пошел в 10-й класс 81-й школы рабочей молодежи. В июне 1952 года окончил учебу с золотой медалью и решил поступить в Электротехнический институт им. Ульянова (Ленина). Попытка не удалась по очень простой причине: в приемной комиссии я честно написал свою короткую, но «нехорошую» автобиографию, и ответственный секретарь комиссии, позвав меня в свой кабинет, вежливо и, по-моему, даже сочувственно объяснил, что лучше не испытывать судьбу, а забрать свои документы. Я это сделал и повторил попытку в другом месте — в Технологическом институте холодильной промышленности (так он тогда назывался). Здесь, видимо, с гостайнами дела не имели, и я без экзаменов (как медалист) был принят в этот дом на улице Ломоносова, 9. Больше 40 лет он будет моим родным домом. Я закончу обучение в нем с красным

дипломом, защищу диссертацию, буду деканом факультета, проректором по учебной работе. И что, может быть, не менее важно — я долгие годы был активным членом Университета культуры в нашем институте. Звучит теперь странно — «университет в институте». Но это было местом, где собирались люди, любящие музыку, поэзию, живопись. И это были люди, не просто любившие, но умевшие «предъявить» предмет своей любви. (В 1975 г. в газете «Ленинградская правда» была опубликована большая статья под заголовком «Декан» о культуртрегерской деятельности Сергея Николаевича в его институте. В ней его назвали первым деканом, говорящим не только о технических науках и дисциплине. — *Примеч. ред.*) Я не умею ни рисовать карандашом, ни писать кистью. Однако я рискую говорить о живописи, пытаюсь раскрыть то, что художник вложил в свое творение, понять, как его жизненный путь отразился в его картинах. Началось все с книг о Ван Гоге. Я прочитал написанное о нем Мейер-Грефом, Джоном Ревалдом, Ирвингом Стоуном, Анри Перрюшо и многими другими. Начал собирать альбомы с его работами. И чтобы рассказывать о нем, имея возможность показывать его картины, стал делать слайды, затем стал сканировать из альбомов на диски. А теперь колоссальные возможности открыл Интернет.

Ван Гог был только началом. Потом вступили «в строй» импрессионисты, прерафаэлиты, мирискусники, великие испанцы, русские живописцы «золотого» XIX века и многие-многие другие. А какое богатство дают музеи, их история, их коллекции. И делиться этим богатством, пока это интересно слушателям, пока доставляешь им удовольствие, я считаю возможным даже дилетанту, каковым я и являюсь. Меня от души радует, когда заядлые консерваторы из моих слушателей с моей помощью открывают для себя уди-

вательный мир таких художников, как Кандинский, Пикассо, Сутин. Расставшись с институтом, я обрел другой, еще более прекрасный дом — Петербургский «Мемориал». Я нашел здесь людей, которым интересны не только судьбы художников и их творчество, но и моя собственная судьба. Здесь все мы сделаны из одного теста, теста «сталинского замеса».

Вот то, что коротко смог рассказать о себе Сергей Николаевич. К этому стоит добавить, что он проводит свои выступления 1-2 раза в месяц в течение всех 25 лет, собирает аудиторию в десятки слушателей, к каждой встрече готовится так, что его лекции становятся блистательными многогранными историческими экскурсами (все же мы по праву называем его беседы лекциями, так как они содержат невероятный объем сведений по истории времени, в котором жил художник, истории живописи, детальной биографии самого художника и людей его круга). В течение 15 последних лет он является одним из самых активных членов правления Петербургского «Мемориала», а с 2014 года — его сопредседателем. Много лет он — постоянный ведущий ежегодных отчетных конференций, и делает это элегантно и мастерски. Также велико его участие в работе культурно-просветительской комиссии: он трогательно внимателен и заботлив к своим слушателям, ко всем их проблемам, готов помогать советом и делом, он сам может быть тонким ценителем и слушателем, искренне и бурно восхищающимся успехами других лекторов. По сей день (накануне своего 91-летия!) он полон сил и мечтает рассказать еще очень многое.

Галина ШКОЛЬНИК,
Санкт-Петербургский «Мемориал»

На снимке: Сергей Богданов. Фото из личного архива Сергея Богданова

«ЕСЛИ БУДЕТ ПАМЯТНИК – ЗНАЧИТ, КТО-ТО ЗАДУМАЕТСЯ...»

В Саратове администрация и общественность не могут найти средств для установления памятника жертвам политических репрессий. Проект памятника был создан в 2011 году, в 2016 году – под него выделили место, но помочь с финансированием власти отказываются, считая, что если памятник народный то и деньги на него должен собирать народ. Об этом «30 октября» рассказали инициаторы установки памятника Светлана Черкашина и Наталья Георгиевская.

Она родилась ночью 25 апреля 1947 года, раньше предполагаемого срока. Ее мать Ольга, почувствовав схватки, старалась сдержать стоны, чтобы не разбудить спящих после тяжелого труда женщин. С трудом сползла с нар и стала ходить по бараку, то и дело задевая брошенные на земляном полу телогрейки. Надеюсь, что скоро будет утро и подружки помогут ей добраться до больницы. Но схватки становились все чаще, и женщина поняла, что утра ей уже не дожидаться. С ближайших нар стала стигивать одеяло, пытаясь разбудить подругу.

– Ольга, ты, что ли? Началось? – вскопчила с нар ее соседка Нина. Заггла копилку, растолкала Викторовну, докторшу из Ленинграда. – Ольга рожает.

И раннее утро в бараке Эльгенского сельхозлагеря Магаданской области ознаменовалось громким криком ребенка.

«Я назову ее Светланой, Светочкой, чтобы жизнь у моей дочки была светлой», – прижав к себе ребенка, решила молодая мама.

После родов она двое суток провела в больничке, и только потому, что Викторовна сказала фельдшернице, что Ольге Осмаловской нужно хотя бы пару дней отлежаться – роды были тяжелые.

– А через 2 дня меня забрали и отнесли в дом малютки – так назывался барак, где находились дети, чьи мамы были осуждены и отбывали срок в сельхозлагере. Первые 3 месяца маме разрешали кормить меня грудью 3 раза в день. Потом 2 раза. А через полгода ей было разрешено меня навещать всего раз в месяц, – рассказывает Светлана Черкашина, председатель Саратовской общественной некоммерческой организации «Ассоциация жертв политических репрессий».

Мамы детишек, находившихся в доме малютки, были или «врагами народа», или женами «врагов народа».

– Моя мама была врагом народа только потому, что, когда немцы вошли в Белоруссию, – а она с родителями жила перед войной там, – мама отказалась эвакуироваться, так как в день начала войны умерла ее мать и нужно было ее похоронить. Ну а поскольку она до этого работала на железной дороге телефонисткой и хорошо знала распорядок работы железнодорожных служб, то с ней связались партизаны, и она все то время, пока Белоруссия была оккупирована немцами, передавала партизанам необходимые сведения. И тем не менее, когда их город освободили советские войска, Ольгу по доносу арестовали, осудили как «врага народа» и отправили на 10 лет на Колыму в лагерь Эльген, – рассказывает Светлана Черкашина.

Дети, находившиеся в доме малютки, можно сказать, тоже находились в заключении. Единственное отличие от матерей – что малышей не заставляли работать. Зато все остальное им доставалось по полной программе: еда была такая, что лишь бы умереть с голоду, побои и унижения были ежедневны. Смертность была большая, и на детском кладбище, которое находилось неподалеку от сельхозлагеря, количество маленьких могил было намного больше, чем на взрослом кладбище, где хоронили заключенных.

– Мама приходила раз в месяц. Но для меня это была чужая тетя. Я ее боялась. Она зовет меня: «Светочка, иди ко мне, дочка», – а я боюсь, вдруг и она начнет меня бить. Нас же били не за что-то, а просто так, походя. Помню, приносила мне конфеты, «подушечка» назывались. А я схвачу – и в сторону.

– В доме малютки детей держали до трех лет, а потом переводили в детдом, – продолжает Светлана Алексеевна. – Игрушками детей заключенных не баловали. Уже находясь в детдоме, Света случайно увидела у дочки воспитательницы куклу. Девочку потрясла целлулоидная красавица в розовом платьице, и она во дворе нашла полено, завернула его в какую-то тряпицу – это была ее кукла Катя. С ней она разговаривала, рассказывала, какая

Чувствовала, что не права, корила себя, страдала от этого... Вот такой след остался у меня. Мы ведь тоже, считай, были заключенными, и этот срок, 7 лет, оставил свою зарубку на моем сердце, – Светлана Алексеевна замолчала, потом, вздохнув, сказала: – Вот, вспомнила те годы, да расстроилась. Все думала раньше, что нужно все забыть, вычеркнуть из памяти, а потом поняла – ничего вычеркнуть нельзя. Нужно помнить. Помните, чтобы это не повторилось. Знаете, у нас в Ассоциации таких детей «врагов народа» хватает. Вот, к примеру, Наталья Андреевна Георгиевская. Их родителей расстреляли, когда ей был год, а старшей 12 лет. В биографиях всех членов нашей организации оставлена печать тех лет. Именно поэтому мы 20 лет назад создали «Ассоциацию жертв политических репрессий», – говорит Светлана Алексеевна.

По ее словам, те, кого непосредственно коснулись репрессии, уже давно умерли, и родственники их с каждым годом становится все меньше.

– Раньше приходили к нам люди, местные чиновники, интересова-

лись нашей работой, помогали. А сейчас таких людей все меньше и меньше. Все замерло, никто нам не помогает. Вот взять хотя бы эту историю с памятником жертвам политических репрессий. Идея наша, и было это 10 лет назад. Тогда у нас худо-бедно, но на счете какие-то средства были, и мы думали, что этот памятник мы поставим за народные деньги. Были спонсоры, готовые помочь. Сейчас там копейки. За эти годы одни спонсоры уехали, кто-то умер. Денег на памятник нет. Наталья Андреевна проявила инициативу и послала в администрацию президента заявку на получение президентского гранта для того, чтобы установить памятник в Саратове. Но нам отказали. Неужели трудно дать Саратову деньги для установления памятника жертвам политических репрессий? Ведь только в Саратове за годы репрессий было расстреляно столько безвинных людей! Памятник жертвам сталинских репрессий нужен Саратову. Ведь памятник от слова «память», мы должны помнить и об этих страницах нашей истории! – возмущается Светлана Алексеевна.

Она рассказала, что члены их организации нашли несколько мест, где хоронили расстрелянных.

– Но в основном это Воскресенское кладбище. Там был вырыт большой овраг. Туда сбрасывали тела расстрелянных, поливали известковым раствором, присыпали землей. Потом привозили следующую партию убитых, и вот так слоями хоронили. На этом кладбище похоронен известный ученый-генетик Николай Вавилов, который умер в тюрьме № 1 в январе 1943 года.

Когда выбирали место для установления памятника, то стали просить у администрации города место возле тюрьмы, в которой проходили казни людей. А напротив – училище МВД. Нам не разрешили. Сказали, что это будет вызывать социальную напряженность, – делится своими заботами Черкашина.

– В нашей стране трудно найти семью, которая бы не пострадала в годы сталинского террора, – считает Наталья Андреевна Георгиевская. – Мой отец работал на Челябинском тракторном заводе механиком, и жили мы в большом доме, который был известен в то время в городе как итээровский (ИТР – инженерно-технические работники. – Примеч. Ред.)

Нашего отца арестовали в августе 1937 года, а расстреляли в январе 1938 года. Маму арестовали в тот же день, и она умерла в воркутинских лагерях. Так вот в нашем доме не было ни одной семьи, куда бы ночью не заявлялись люди, которые проводили обыск, а потом увозили людей в воронку – как правило, на расстрел, – вспоминает она.

– А памятник завис. У нас есть все разрешительные документы на установку. И сам памятник готов. Мы обращались неоднократно к нашему земляку Вячеславу Володину – и когда он был руководителем администрации президента России, и когда стал председателем Госдумы. Последний раз месяц назад мы отправили ему очередное письмо. А он эти письма переправляет в нашу Саратовскую администрацию.

Мы бились за достойное место для памятника. В 2016 году нам разрешили установить памятник на бульваре по улице Астраханской, напротив университета. А вот насчет того, чтобы помочь финансами... Нам сказали, что памятник – народный, так что должна помочь общественность. А наши средства – только наши пенсии. Других доходов, кроме пенсии, у нас нет. И у большинства пенсия всего 8 тысяч, минимальная. Как на эти деньги жить, да еще и выделять деньги на памятник? Нам дали такое место, наверное, в надежде, что мы не соберем на этот памятник денег. У нас есть расчетный счет в банке, и туда приходят какие-то пожертвования. Но дело в том, что банки снимают большие суммы с нашего счета, проценты, и даже те небольшие деньги, которые есть на счету Ассоциации уменьшаются от этих процентов катастрофически!

Как сказал автор памятника скульптор Андрей Щербаков, этот

у нее, Светы, красивая мама и что скоро она ее заберет и они с ней уедут далеко-далеко. Маму свою она представляла красивой с длинными локонами – такую она видела на картинке в кабинете директора детдома. Женщину, которая раз в месяц приходила к ней на полчаса и приносила ей конфеты «подушечка» или леденцы, она мамой не считала.

– Я думала, что мама, настоящая, красивая, живет где-то далеко и не знает, что я нахожусь здесь. Значит, нужно к ней поехать самой. Первый мой побег я совершила, когда мне было 4 года. Тогда нас, беглецов, было несколько человек. Мальчики были постарше, ну и я, малолетка, к ним прилепилась. Нашли лодку, сели, поплыли. А лодка была дырявая. Так мы чуть все не потонули. Кое-как выбрались на берег и попали сразу же в руки воспитателей. Помню, что за такую попытку группового дерзкого побега нам досталось сильно. На мой малый возраст скидку никто делать не собирался, – вспоминает Черкашина.

Ей было 7 лет, когда после смерти Сталина Ольгу Осмаловскую освободили. Она забрала свою дочь, и они уехали в Ростовскую область, где тогда жил отец Ольги.

Светлана Алексеевна считает, что из-за того, что первые годы жизни она практически не знала, что такое материнская любовь, она потом так и не смогла привыкнуть к тому, что у нее есть семья.

– Я так и не смогла по-настоящему полюбить свою маму. То есть я помогала ей во всем, вроде бы и любила... Но не всей душой. Так и не смогла я растопить свое сердце, закаменевшее в первые 7 лет моей жизни.

Наталья Андреевна считает, что их спасла только оперативная помощь соседней, которые сразу после ареста родителей спрятали девочку и сообщили о случившемся бабушке. Она приехала и увезла внучек в Тулу.

– Иначе нас бы с сестрой развели и отправили в разные детдома. Сейчас не только молодые люди, но и взрослые пользуются и живут той информацией, которую они черпают из средств массовой информации. Мало молодых людей, которые интересуются историей, знают ее. Я говорю об этом со знанием вопроса: долгое время я преподавала студентам и представляю масштабы их интересов. Не всех, конечно же, но большинства. Памятник нужен как напоминание о нашей недавней истории. Не нужно переписывать страницы истории, лакируя под вкусы тех или иных чиновников. История не терпит корректировок. Плохое было время или хорошее – это наша с вами история, это жизнь, которую прожили наши родители, наши предки. Будет памятник – значит, кто-то остановится и задумается о том, что несколько тысяч жителей Саратова были расстреляны ни за что. Почему находятся спонсоры, которые выделяют деньги на памятники какому-то купцу, певцу и т.д. Мы не знаем, какими талантами были одарены те, кто захоронен в овраге на Воскресенском кладбище. Сколько жизней остановлено одним выстрелом палача. Кто об этом сейчас задумывается? – задается вопросом Георгиевская.

Наталья Андреевна говорит, что сейчас у них самая главная проблема – это памятник.

памятник он делал по инициативе «Ассоциации, жертв политических репрессий».

– Они обратились ко мне в 2011 году, и мы стали работать над этим монументом. Тогда еще мало кто такие памятники устанавливал. Мы могли быть первыми. Власть не против, но финансировать никто не хочет, – говорит Андрей.

По его словам, этот памятник знаковый.

– У меня все скульптуры обобщенные, с метафорой. И этот памятник с двойным символом: заточение, лишение человека свободы и в то же время братство, то, что может и должно противостоять насилию и равнодушию, – сказал Щербаков.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

Помочь Ассоциации жертв политических репрессий Саратова можно перечислив пожертвования на расчетный счет 407038105110101842 ИНН 440116480 КПП 770343002 БИК 044525058 к/с 30101810045250000058 филиал «Бизнес» ПАО «Совкомбанк» г. Москва

На снимках: Светлана Черкашина на руках мамы, За такое постановочное фото, сделанное в эльгенском доме малютки, с матерей – врагов народа администрация требовала дополнительные деньги. Наталья Георгиевская со старшей сестрой, конец 1940 гг. Фото из семейных архивов Светланы Черкашиной и Натальи Георгиевской.

АКЦИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА В ПЕРМИ

30 июля 2017 года пермяки зачитали вслух 355 имен земляков, ставших жертвами политических репрессий и безвинно расстрелянных в 1937–1938 годах. Гражданскую акцию «Возвращение имен» проводит в Перми с 2014 года краевое общество «Мемориал». За прошедшие 5 акций пермяки зачитали 2300 имен.

ходила даже там, где нет филиала «Мемориала». «А в городе Кудымкар подготовкой и проведением этого мероприятия занимались волонтеры», — говорит Латыпов.

Он также подчеркнул, что с каждым годом желающих участвовать в этом мероприятии становится все больше.

«Но мы не стремимся к массовости, чтобы было больше участников, не акцентируем внимание на том, сколько было участников или слушателей. Для нас важен сам факт проведения этих чтений. Важен факт того, что люди выходят и публично говорят о том, что было в те годы, зачитывают короткие строки биографий расстрелянных. Это были простые люди: сапожники, слесари, колхозники, которых арестовали и приговорили к расстрелу за высказанное в сердцах слово в адрес какого-то начальника, а чаще всего забирали людей по доносу», — рассказывает Роберт. По его словам, за 2 часа пермяки зачитали вслух 355 имен земляков, ставших жертвами политических репрессий и безвинно расстрелянных в 1937–1938 годах, а всего за прошедшие 5 акций пермяки прочитали уже 2300 имен.

Официальную поддержку проекту оказывают уполномоченный по правам человека в Пермском крае и региональная Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политиче-

ских репрессий. Акция прошла в саду Декабристов у бывшей тюрьмы НКВД № 1, где сейчас находится следственный изолятор. В годы массовых репрессий здесь формировались колонны осужденных, которые под конвоем вели к железнодорожному вокзалу Пермь-2, а оттуда — в ссылку, лагерь ГУЛАГа или на расстрел.

К годовщине Большого террора Пермское краевое отделение «Международного Мемориала» выступило с заявлением «Сохраним эту память вместе!», в котором, в частности, говорится:

«Очередной печальный юбилей 1937 года — это напоминание всем нам о том, к чему приводят политика насилия и унижение достоинства людей, тотальный контроль государства над всеми сферами жизни общества, во что может воплотиться слепая вера в безгрешность власти, какую цену платят обычные люди за мифы о «светлом будущем», за призывы элит избавиться от «пятой колонны» и «врагов народа», за многолетнюю лицемерную ложь.

Память о терроре — это наша общая боль и национальная травма, которые еще предстоит осознать и преодолеть. Это повод задуматься о политических и общественных реалиях дня сегодняшнего и завтрашнего. Что мы готовы сделать для того, чтобы не допустить подобный кошмар и преступле-

ния? Какие ценности мы разделяем и хотим передать следующему поколению? Являются ли безусловными приоритетами в нашем обществе права и свободы гражданина?

Это отнюдь не риторические вопросы. К сожалению, многие россияне готовы сегодня оправдать палачей и людоедский политический режим 1937 года. Поэтому акция «Возвращение имен» — это открытый, принципиальный разговор, который должен просветить незнющих и отрезвить тех, кто готов бесценоно жертвовать людьми ради реализации идей сталинского ренессанса.

И наконец, такая память — это еще и демонстрация нашей гражданской зрелости, нашего неприятия пропаганды злобы и вражды, заполонившей в последнее время российские СМИ и звучащей с самых высоких трибун.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Участники акции «Возвращение имен». Роберт Латыпов. Фото из архива Пермского «Мемориала» и Кирилла Козлова /Городской портал Перми.

КРЕСТ В ЗАУРАЛЬНОЙ РОЩЕ

8 июля 2017 года в Зауральной роще Оренбурга на территории памятника истории и культуры «Место захоронения жертв сталинских репрессий 1930–1950-х годов» прошел траурный митинг памяти невинных жертв незаконных политических репрессий. День памяти был приурочен к 80-летию событий, положивших начало тому, что в народе называют Большим террором, ежовщины или просто 37-м годом.

В мероприятии участвовало около 50 жителей Оренбурга и Оренбургской области, была организована передвижная выставка материалов, подготовленная Музеем истории Оренбурга. Перед собравшимися на митинге выступили депутат государственной думы от Оренбургской области Ю.Н.Мищеряков, председатель Оренбургского движения «Мемориал» А.А.Рождествин и другие. После этого к памятнику были возложены цветы и проведена духовная панихида по невинно убиенным.

День памяти прошел, осталась людям память о том, что было здесь, что было в Оренбурге в 1937 году. А мне осталась боль от слов некоего ответственно-

го представителя организаторов, ибо было сказано, что не следует здесь и сейчас, тем более с трибуны, говорить нечто о невыполненных обещаниях и субъективных обстоятельствах, разрушающих объект культурного наследия, тем более говорить это в адрес этих самых якобы организаторов.

Так закончился этот памятный митинг в День памяти жертв политических репрессий, во время которого стояла пасмурная погода, а по его завершении пошел дождь. Так вместе с оренбуржцами скорбела и плакала природа в этот день над столь памятным, достопримечательным местом города. Так помните, люди, о том, что было, как было, с кем было и где было все то, о чем теперь есть память, есть знания, есть боль; о том, чтобы не было такого в 2037-м.

Организатором Дня памяти выступила администрация города Оренбурга, выполняя план утвержденных на губернаторском уровне и согласованных с мемориальной общественностью мероприятий, посвященных 100-летию трансформаций 1917 года и 80-летию событий 1937 года.

В мероприятии приняли участие Оренбургское движение «Мемориал», «Офицеры России», Музей истории Оренбурга, Духовное управление мусульман Оренбуржья, Оренбургская епархия, представители СМИ и другие.

24 июля в Зауральной роще прошло еще одно памятное мероприятие — был освящен Поклонный крест, поставленный на собранные народом деньги.

На освящение поклонного креста в Зауральную рощу приехали оренбургские казаки, ученые, архивисты, богомольцы. Молебен с водосвятием проводил отец Дмитрий, настоятель Введенского собора и часовни Табынской иконы Божией Матери, а сослужили ему священники из паломнического автокрестного хода, что начался в Магадане.

Главное — крест стоит. Значит, будем помнить.

Александр РОЖДЕСТВИН,
председатель правления
Оренбургского движения
«Мемориал»

На снимке: Освященный крест в Зауральной роще, 2017 г. Фото автора

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

ПАНИ ЛЕОКАДИЯ

Осень кончалась. Низкие серые клочковатые облака, гонимые северным ветром, напоминали о близкой зиме. Я долго плутала меж полуразрушенных абайских пятиэтажек. Пустыми глазницами окон смотрели они на меня с полным равнодушием, чем будили в душе горечь и тоску. Я искала пани Леокадию Винникову, в юности Пестюк. Где-то здесь, в почти нежилом микрорайоне она и жила, как подсказала мне одна из моих знакомых сестер-кармелиток.

А вот и этот дом. Вхожу в подъезд и еще не успеваю нажать на кнопку звонка, как навстречу мне словно сама собой, как в сказке, открывается дверь:

— Я вас жду.

Сухонькая, очень пожилая женщина в аккуратной шерстяной кофточке и шерстяной же шапочке, приветливое лицо, легкий польский акцент. И что-то такое в лице, в глазах, что сразу становится тепло и легко на душе, словно знаем друг друга давным-давно.

С неповторимым европейским изяществом на столе чашечка кофе, печенье, спелое красное яблоко и неперенный живой цветок в крохотной вазочке.

...Ее арестовали в деревне Прибанишки, что в Белостокской области близ Гродно. До второй мировой это была Польша, потом Западная Белоруссия, СССР.

Именно эта приграничная деревня Прибанишки осенью 1939-го стала, по знаменитому и долго в СССР скрываемому пакту Молотова—Риббентропа о разделе Польши между Гитлером и Сталиным, сначала советской, а в 1941 году в нее вошли солдаты Вермахта. Но и в 1945-м, после славной победы Советского Союза над Гитлером, для деревни Прибанишки война не кончилась...

Уже шел 1947 год. По белорусским лесам войска НКВД вылавливали «лесных братьев», повстанцев Армии Крайовой, УПА, ОУНовцев и прочую «контрреволюцию», не желавшую признать власть Советов и Сталина.

Вот тогда-то в ее дверь и постучали солдаты с красными погонами. Двадцатилетняя Леокадия Пестюк, Кадя, была начитана, хорошо образована, и еще была она глубоко и искренне верующим человеком. А честь и достоинство родины для таких людей значит очень много, куда больше, чем для шумных крикунов с митингов, которые в одночасье меняют веру на безверие и безверие на веру. И чувствуют такие люди свою связь с родиной куда глубже, чем подчас лихие болтуны и краснобаи, каких история с легкостью подбрасывает на гребень своей очередной волны и с такой же легкостью смывает в небытие.

И потому юная Леокадия без колебаний вступила в польскую подпольную Армию Крайову. Священную присягу дала, поклялась бороться за независимость своей родины от всякой внешней силы. И от сталинщины и коммунизма — тоже.

Нет, она никогда не держала в руках оружия. Она была почтальоном — разносила и раздавала листовки. Но и это для установившейся в Западной Белоруссии советской власти было враждебным действием. И наказуемым. И когда ее арестовали, повезли в Гродно, бросили в подвал УНКВД и стали избивать на допросах, не сопротивляясь, понимая: этим и должно было все кончиться. Другого не ждала...

Продержали ее в подвале том до 12 декабря 1947 года, судили Военным Трибуналом и осудили на 10 лет с конфискацией имущества.

Камера-одиночка, побои, издевательства — это выдержала. На одном из допросов выжили глаза — на всю оставшуюся жизнь осталась полуслепой. И это выдержала.

ДВЕ ЖИЗНИ

Екатерина Кузнецова — историк и журналист, автор книг о Карлаге, редактор-составитель «Книги скорби. Расстрельные списки» по Карагандинской области. Более 30 лет занимается изучением и сбором материалов об истории Карлага НКВД. У Екатерины Борисовны скопилось много неопубликованных материалов о тех, кто отбывал срок по ст. 58 в Карлаге. Она потихоньку ведет поиск, помогая людям находить друг друга. «Время идет, многое уже перепроверить или найти не просто. Вместе с годами уходит и память о людях, а хотелось бы ее сохранить», — написала в «30 октября» Екатерина Кузнецова. — Мой интерес был больше к обычным людям. О знаменитостях всегда есть кому написать, а об обычных людях — их были миллионы! — память должна тоже сохраняться, я так думаю». «30 октября» публикует 2 очерка о женщинах, прошедших Карлаг, с которыми встречалась Екатерина Борисовна.

ла. Потом еще год в общей камере. Ждала этапа. Наконец, повезли в Оршу, в пересыльную тюрьму. Там хотя бы была работа: 9 месяцев делала кирпичи.

Из Орши — в Куйбышев (теперь Самара). Там с 58-й статьей брали на предприятия на работу. Мыла пивные бутылки. Потом — Петропавловск в Казахстане. В одном вагоне с бытовичками. Грязь, ругань, унижения. И это снесла молча.

И наконец, Спасск. Станция Карабас распахнула ворота своей пересылки — ворота смерти, как говорили зэчки. А дальше — в колонну по 5 стройся и длинный этап, под лай собак и мат охраны, пешком в Спасск. Это уже Степлаг, каторжный особлаг для узников 58-й статьи, «врагов народа».

Шел 1948 год. В Спасске, отделении Степлага, теперь были только политические. «Срока огромные», как поется в воркутинской лагерной песне. Ей помнится, было 200 женщин и 800 мужчин. Сколько было на самом деле — откуда же было знать тогда!

Ее поставили в бригаду — 25 человек, копали могилы. Да-да, на том самом кладбище в Спасске, где сегодня стоят памятники в знак скорби о погибших. Памятники от разных стран, и от Польши в том числе.

Могилы рыли в 50 см глубиной, это она хорошо помнила. И так — почти все 5 лет. День за днем.

А после памятного всем марта 1953-го отправили в Актас на кирпичный завод. Здесь работали поляки, литовцы, латыши, украинцы.

В Актасе — 3 года. Даже бригадиром была.

И вот, наконец, освобождение. Под надзор комендатуры. Шел уже 1956 год.

Обосновалась в Абае. Работала на простых, малозначущих работах. Вышла замуж. Родила, вырастила сыновей. Жизнь как будто наладилась. Из обломков, из щепок, из осколков сложилась.

Я слушаю рассказ, смотрю в лицо пани Леокадии. Ни горечи. Ни печали. Лицо спокойное, чистое и светлое. Спрашиваю, рассказывала ли сыновьям о своей жизни. Нет, говорит, а зачем? А вообще кому-нибудь? Мужу, например? Тоже нет. Вам вот первой рассказала.

Сидим, молчим. Кофе давно остыл. За окном сгущаются сумерки.

... В тот раз вернулась я из Абая запоздно, долго выбиралась из микрорайона, ждала автобус. А к ночи разыгрался ураган. Часа в 3 проснулась, посмотрела в окно. Ветер гулял по ночной безлюдной улице, в 3 погибели сгибал огромные деревья, где-то хлопало чем-то, что-то скрежетало. Звезд не было. И отчего-то всплыла в памяти пани Леокадия, ее чуть сторбленная худенькая фигурка, мелкими шажками уходящая от меня по коридору, ее полупустая опрятная квартирка, чистая скатерть на столе, разрезанное пополам яблоко.

— Как-то она там одна, в такую ночь? — отчего-то подумалось с тревогой.

Около полудня раздался телефонный звонок. Звонила мне пани Гелена Жолновская, из Абая:

— Этой ночью пани Леокадия умерла...

Потом были похороны. День выдался холодный, но солнечный. Пани Леокадию пришли проводить очень многие. Прилетели сыновья — один из Москвы, другой из Еревана. Говорили много теплых, искренних слов. О чистой душе. О светлом человеке. О высокой истинной вере. О доброты, бескорыстии. Много о чем говорили люди. А я думала об ее сыновьях. О том, что она утаила от них. Чем не успела поделиться. И что в тот последний вечер своей жизни рассказала мне...

ЭННИ КИУТУ

Она помнила, что в 1932-м они границу перешли. Из Финляндии в СССР. Перешли вчетвером из всей семьи. Тайком.

Год 1932-й в Финляндии был очень трудным. Депрессия. Безработица. Ночами слушали советское радио. Говорили между собой, мол, там такой подъем, хлеба много, работы много, люди свободны. Рискнуть? И рискнули.

Брат ее рабочим был на большом заводе, отговаривал: все, что вы слушаете дома с отцом по радио, — пропаганда, брехня. Не верь, там еще хуже, чем здесь. А она брату не верила.

Когда границу переходили, ей уже 24 года было, взрослая. Могла бы задуматься. И образование имела — педагогическую школу в Финляндии закончила. Только что толку-то?

Отец, Иоган Эрике Киуту, так его звали — участник советско-финской войны, был коммунистом. А партия эта в Финляндии в ту пору была крепкая. И комсомол был крепкий. «Норише литто» назывался. «Молодые коммунисты» значит. И она была 6 лет в этом комсомоле, а потом вступила в компартию Финляндии. Отцу верила, он все говорил, что в СССР можно учиться, работать, жить хорошо и красиво. Сам в это верил. И ее этой верой заразил. Наполнил ее голову этими мечтами.

В тот же год, как границу перешли, поступила учиться, думала, теперь жизнь сложится. Все работать стали. В Карелии, в Петрозаводске. Там финнов много было. Через время она даже учительницей устроилась.

В Карелии советская власть ей очень нравилась. Товарищество, коллективизм. Все хотели учиться, учились. Какой-то был подъем, наверное. И финны все вместе держались, а финны ведь были разные — из Канады, из США, из Финляндии. Приехали легально, социализм строить хотелось.

О, она, Энни, был очень веселой девушкой. И даже смелой. Она с парашютом с вышки несколько раз даже спрыгнула. Сама себя за это заужала. И решила даже в компартию советскую вступить, заявление подала.

А тут — арест. Схватили всех четверых. Больше никого из своих никогда в жизни не видела.

Она тогда в книжном магазине работала, в Олонце. Маленький город, все друг друга знают. Пришли двое. Нет, трое, кажется. Мужчины. Сказали, закройте магазин, пойдите с нами. Вечером домой вернетесь, не беспокойтесь.

Не вернулась.

Это под вечер было, осеннее. Может быть, в сентябре. Сказали: «На минуту, на минуту, а вышло на 10 лет...»

Отвели в камеру. Там были финны, что приехали из США. Рабочие простые, честные парни. Так сидели. Говорят — уже 4 месяца. Ничего не спрашивают, куда не вызывают. Просто сиди и все. Зачем — не знаем. За что — тоже не знаем.

Потом была тюрьма в Петрозаводске. Отобрали все финские документы, партийный и комсомольский билеты. Послали на работу — топить баню. Сидела, ждала, что будет. Жалоб куда не писала.

Было очень страшно. Думала, американских финнов засадили, так они же из Америки! А меня по ошибке. Узнают, что я была в комсомоле, коммунистка финская, выпустят. И следователь мне потом все говорил: «Отпустят вас, отпустят».

Не отпустили.

В камере их было трое: американская финка-коммунистка, старушка-монашка русская и она, Энни. Американской финке было лет 40, монашка все время молилась, она, Энни, молчала. 2 раза брали их по очереди в баню мыть полки, таскать воду. И вся работа. Остальное время сидели. Молчали. Начальники были хорошие, иногда давали без очереди 2 куса сахара. Они все были в форме, шапки с красным околышем. Энни их не боялась, но она не очень хорошо понимала их вопросы. Спрашивали: зачем границу перешли? Смешной вопрос! Энни объясняла: Сталина они все любили, верили ему.

Следователь только усмехался: «Долюбили!»

Потом вдруг всех построили, куда-то повели. Оказалось,

на вокзал. В вагоны загнали, странные такие вагоны, окна маленькие и высоко. Двери заперли. Люди говорили, в таких вагонах возят скот. Куда повезли? Оказалось, в степь. В лагерь. Карлаг назывался.

Объявили, что ее срок — 10 лет. Статья — КРД, контрреволюционная деятельность. И она — враг народа.

О, в лагере было очень страшно. Голод. Холод. Очень тяжелая работа. Никаких инструментов и механизмов...

Сначала ее отправили в Коктынкуль, там она была в пересылке в 1942 году и почти до конца 1943-го. А потом — в Бидаик. В этом отделении было 70 человек в бараке. Очень тяжело приходилось — не было возможности отдохнуть, все время работа. Только еда и сон — чуть-чуть. А охрана была очень тупая, грубая и злая. Тоже неприятно.

Работала Энни на полевых, на снегозадержании, рублика караганник. Куда бы ни посылали — все делала: «Очень боялась». Говорить по-русски немного научилась, но больше помалкивала. Много казалось странным, удивляло, но поделиться с кем-то своими мыслями не решалась. Никому не доверяла.

В лагере с ней однажды беда случилась — с 16-метровой плотины упала в воду. ВОХРовская собака ее вытащила на поверхность, не дала утонуть. Вот какие случаи бывали...

В Бидаике у нее дочь родилась. До полутора лет была в отделении в яслях, потом ребенка увезли в Долинку. Энни очень горевала, но так хорошо работала, что в награду ей даже дочь из Долинки вернули в Бидаик, и она 2 раза в месяц могла иметь с дочерью свидание на 2 часа. О-о-о, это было большое счастье — видеть, держать на руках свою маленькую дочку! Кто не имел детей, не знает этой радости...

Энни даже премблюдю (премиальное блюдо — микроскопический пирожок или котлетка. — Примеч. авт.) за хорошую работу получала. Пайку ей давали большую — 1300 граммов в сутки! Нет, теперь она уже не была такой пугливой, по-русски говорить научилась, могла иногда и себя защитить. Но все равно, все равно...

Кто был виноват в том, что с ней случилось? Сталин? Но ведь она Сталина так любила! Тогда кто? Ну, не заключенные же. Заключенные честно работали за пайку хлеба.

...Мы пришли к Энни Киуту вместе с двумя британскими журналистами, которые снимали фильм для Би-би-си о Карлаге. Теперь Энни уже давно звали Анной Ивановой, она была очень стара и нездорова, жила в запущенной однокомнатной квартирке с большим лохматым котом и доброй старой собакой. Прошлое ускользало уже из ее памяти, лишь ненадолго задерживаясь на особенно запомнившихся эпизодах. Она словно всматривалась в это прошлое, одновременно узнавая и не узнавая в нем себя. Ту Энни, которая прыгала с парашютом с вышки. Которая слушала советское радио по ночам. Тайком перебралась через границу. И в ту новую, молчаливую, удивленную Энни, в какую ее превратила неволя. Энни, которая так и не смогла до конца понять, что же с ней случилось в такой длинной ее, долгой жизни. В жизни, где так много образовалось обмана. И на вопрос «кто виноват?» она так и не нашла для себя ответа.

Екатерина КУЗНЕЦОВА, Караганда, Казахстан

На снимке: заключенные Карлага НКВД, 1930-е годы. Фото из архива Музея истории репрессий, Караганда, Казахстан

«МАМОЧКИНО КЛАДБИЩЕ»: КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАД СТЕПЬЮ

Для каждого из нас, людей, самая большая ценность — наши дети. Нет ничего горше детских слез, как нет ничего слаще детского смеха. Тот, кому довелось почувствовать себя родителем, даже в самом страшном сне не может себе представить смерть ребенка.

А ведь не так давно (что для истории 80 лет!) на нашей казахской земле умирали сотни ни в чем не повинных детей, и многих из них матери даже не успевали прижать к груди — так и оставались они, маленькие узники политической системы, похороненными в безымянных общих могилах... И вместе с этими безвинными жертвами навсегда замирали материнские сердца — женщины жили, работали, страдали, но сердцами были там, где похоронили их детей. Ведь недаром и кладбище это называлось «Мамочкиным»...

С 1997 года 31 мая отмечается как День памяти жертв политических репрессий и голода. Для всего нашего казахского народа эта дата имеет особое историческое значение. Массовые политические репрессии 1920–1940-х годов XX века стали величайшей трагедией для миллионов людей. Исторический масштаб репрессий, пережитый нашим народом, не укладывается в сознании.

В Казахстане по политическим мотивам было осуждено более 103 тысяч человек, 25 тысяч из них были приговорены к высшей мере наказания. С 25 февраля по 13 марта 1938 года было расстреляно почти все руководство республики — 650 человек. Среди них выдающиеся сыны казахского народа — Алихан Букейхан, Ильяс Жансугуров, Ахмет Байтурсунов, Сакен Сейфуллин, Магжан Жумабаев, Беимбет Майлин и многие другие.

Всю тяжесть жестокой тоталитарной системы вместе с казахским народом разделили более 1,5 миллиона депортированных немцев, поляков, корейцев, чеченцев, турок, греков и представителей других народов. С начала репрессий — 1937 года — в Казахстане располагались 953 лагеря и поселения, среди которых были АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) и Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь), узниками которого стали Лев Гумилев, Анатолий Марченко, Мария Капнист, Анна Тимирева, Александр Чижевский, Анна Баркова, Аркадий Белинков, Камила Икрамова и многие другие всемирно известные личности.

Говоря о сталинских репрессиях, мы всегда вспоминаем известных людей, оказавшихся пленниками Карлага, — ведь их судьбу и биографию можно отследить по архивам, воспоминаниям современников, их собственным мемуарам и даже личным встречам. Например, несколько лет назад мне посчастливилось пообщаться с А.С.Есениным-Вольпиным (сейчас, к сожалению, уже ушедшим из жизни).

Но, говоря о репрессиях, нельзя забывать, что узниками лагерей становились не только мужчины, но и женщины. А женщины всегда, с самого начала человечества, неразрывно связаны с рождением детей. И как это ни страшно представить, но и в сталинских лагерях на свет появлялись дети. Их имена, хоть и найденные в засекреченных архивах Карлага учеными, работающими над этим вопросом, никому не известны. У большинства родившихся и погибших в лагере детей даже могилы безымянны.

«Мамочки», «мамки» — так называли женщин, родивших детей в заключении. Отсюда происходит название кладбища, на котором хоронили детей, родившихся в

неволе, — «Мамочкино (Мамкино) кладбище». Родильный дом для женщин-заключенных находился в поселке Долинка, который с 1931 года стал «столицей» Карлага. Роденные заключенными матерями дети содержались в детгородке (он же деткомбинат, так называемый Мамкин дом). 2–3 раза в день матерей под конвоем приводили, чтобы кормить грудных младенцев. По достижении возраста 2–3 лет детей переводили в детдома. Детская смертность в этих деткомбинатах была очень высокой: по данным санитарного отдела ГУЛАГ НКВД СССР, только за 1939 год из 350 детей Карлага умерли 114. И немудрено: узницы Карлага вспоминали, что детей заключенных скудно кормили, били и обижали. «Судьбе таких детей не позавидуешь, — вспоминала Г.А.Семенова. — Ни ласки, ни тепла, ни тем более любви они не видели. Большинство из них болели, не вылечивались и погибали.

— Территория «Мамочкиного кладбища» носит определенный сакральный смысл, ведь дети, младенцы всегда воспринимаются разными народами как чистые и светлые ангельские души, которые дарованы нам Всевышним.

Бытовички обслуживали их кое-как, например, кормили малышкой так: запихнут рот до отказа кашей так, что ребенок чуть не задохнется и не может ее проглотить, и остается, таким образом, голодным» (книга «Мамочкино кладбище», Н.О.Дулатбеков, Караганда, 2015).

Умерших детей хоронили на кладбище, устроенном неподалеку от детгородка на выезде из поселка. Их хоронили, как правило, в общих могилах, без гробов. Иногда место захоронения вообще не отмечалось. Индивидуальных могил на этом кладбище относительно немного. Известны случаи, когда здесь же хоронили и взрослых заключенных.

После закрытия лагеря в 1959 году кладбище было заброшено. В 2002 году был огорожен участок бывшего лагерного кладбища, восстановлена часть захоронений (сохранившиеся памятные знаки на этом участке захоронения относятся в основном к 1948–1950 гг.). Были установлены православный крест, памятный знак перед ним и камень с мемориальной доской: «В память безвинно погибших...»

31 мая 2003 года, в День памяти жертв политических репрессий, кладбище получило статус мемориального. Громадное детское кладбище, где захоронены более тысячи младенцев, священо не только для народа Казахстана, но и для всех людей, которые с болью в сердце воспринимают эти трагические периоды нашей исто-

рии. «Мамочкино кладбище» стало ежегодным местом для посещения в День памяти жертв политических репрессий 31 мая и в День духовного согласия 18 октября.

Безвинно осужденные дети, чьи тела навсегда остались на нашей казахской земле, неугасаемая боль материнской утраты, разрушенные семьи — это только часть тех переживаний, которые овладевают каждым человеком, посещающим территорию «Мамочкиного кладбища». Невозможно уйти с этого места, не изменившись внутри. Колоссальный морально-нравственный и эмоциональный толчок происходит в душе, начинаешь задумываться о будущем и отчетливо понимаешь, что наша счастливая и благополучная жизнь появилась не из ниоткуда. Судьбы многих народов навсегда связала казахская земля. Анализируя и глубоко осмысливая все периоды становления и развития нашего государства, понимаешь некоторые вещи несколько иначе. Территория «Мамочкиного кладбища» носит определенный сакральный смысл — ведь дети, младенцы всегда воспринимаются в народе как чистые и светлые ангельские души, которые дарованы нам всевышним. Говоря о сакральной сути данного места, я имею в виду значение «особенное, неприкасаемое, уникальное». Многие люди, приезжающие сюда из других стран, тоже чувствуют это. Так, известный немецкий фотограф Дитер Зейц был настолько впечатлен этим местом, что мы с ним даже воплотили в

Воспоминания о трагедии прошлого передают память следующему поколению, чтобы кровь и слезы не повторились в будущем. Только сохраняя память о прошлом, можно уверенно идти в будущее.

от колючей проволоки, но попавших в лапы голода, тоже стали жертвами системы. Их имена теперь даже в архивах не найдешь...

В связи с этим я выступил с предложением включить территорию «Мамочкиного кладбища» как места скорби и трагедии в единый мемориальный комплекс знаковых мест нашей страны. Уверен, что разработанный иеротопический проект позволит связать воедино архитектурно-исторический ансамбль музеев политических репрессий страны. Пребывающие ныне в состоянии своеобразной территориальной музейной разобщенности, вышеуказанные знаковые места будут собраны в единый комплекс и смогут выступить в неотъемлемой концептуальной целостности и временном отражении периода политических репрессий.

«Мамочкино кладбище» как часть иеротопического проекта может включать и мистическую компоненту, но прежде всего это может быть проект осознанного формирования пространства при помощи архитектуры, изображений, обрядов (народных традиций, связанных с младенцами), света и иных медиавозможностей. Например, можно создать пространство, где постоянно над степью звучали бы колыбельные песни на языках народов, пострадавших от репрессий.

Полагаю, что, создав на этой территории мемориальный комплекс, мы поможем казахстанцам и нашим гостям глубже по-

нять историю нашей страны. Архитектурно-художественная визуализация позволит почтить память жертв, отдать долг уважения безвинным жертвам.

По инициативе главы государства в 1990 году был издан указ «О мерах по оказанию помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий в период 1940-х и в начале 1950-х годов». Во всех областях открыты музеи, памятники, мемориалы, такие, как Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР», Музей политических репрессий в поселке Долинка Карагандинской области, Мемориал жертв политических репрессий в Спасске, Музей политических репрессий в Шымкенте.

Нам нужен проект «Духовные святыни Казахстана», или, как говорят ученые, «Сакральная география Казахстана». И «Мамочкино кладбище», несомненно, — одно из таких мест.

Нурлан ДУЛАТБЕКОВ,
руководитель проекта «Карлаг:
Память во имя будущего»,
Караганда

1. Иеротопия — создание конкретных сакральных пространств, рассматриваемое как особый вид творческой деятельности. Результатом иеротопического творчества, как правило, являются церкви и святые места, но могут быть также сакральные ландшафты, архитектурные комплексы и даже города и страны.

На снимке: современный вид мест захоронений погибших в АЛЖИРе детей. Фото из архива Виртуального музея ГУЛАГа (фотофиксация 2010 г.)

➤ Продолжение. Начало на с. 1

эзии и прозы (Цвейг, Пруст, парнасцы).

При газете «Заря Востока» в годы войны сбилась группа поэтов и прозаиков, она именовалась МОЛ. Ее лидером был Густав Айзенберг-Гребнев (он же Густик)⁵, ходили в нее и Элла Маркман, и Гия Маргвелашвили. Как-то пришли и три старшеклассника из 43-й школы (выше пишут, что Цыбулевский закончил 9-ю школу) — Роман Чернявский, Шура Цыбулевский и Рашид Кетхуров. После войны МОЛ как-то рассосался, но Чернявский организовал свой литературный кружок — «Соломенная лампа», куда ходили и Шура, и Рашид, и Юлик Эллис⁶, и Элкин, как звал Шура Комуналлу Маркман.

А 18 мая 1948 года Александра Цыбулевского и Льва Софианиди арестовали, обвинив в недонесении на студенческую подпольную организацию «Молодая Грузия», в которой они оба не состояли. Да и самой организации де-факто не было, зато была другая, более ран-

ли под подписку о невыезде, а потом ее отменили). Заодно схватили и парочку их друзей, а именно: Софианиди и Цыбулевского.

21 и 22 сентября 1948 года 8 человек судили в Тбилиси, в Военном трибунале войск МВД Грузинской ССР. Сам суд, по словам Комуналлы Маркман, был праздником: наконец-то все увидели друг друга и — «...принесли друг другу подарки. Я помню, Шурка Цыбулевский — редкость! — туалетное мыло мне подарил тогда. Они туалетное мыло из маминых передач вынимали, потому что в это время, в 1948 году, с мылом плохо было, и себе забирали, наверное. А Тэмка подарил тот платок с кровью, когда ему [на допросе] выбили зубы»⁸.

Дело было абсурдное, высосанное из пальца, но зато сроки реальные, точнее, как раз нереальные — запредельные, максимальные! Шестерых заговорщиков, включая доносчика, по статьям 58-2, 58-8, 58-10 ч. 1 и 58-11 Уголовного кодекса Грузинской ССР суд приговорил к 25 годам ИТЛ и 5 годам поражения в пра-

АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ — НЕДОНОСИТЕЛЬ И ПОЭТ

няя, школьная. В 1943–1944 годах шестеро учеников двух соседних школ — Теймураз Ташишвили, Элла (Комуналла) Маркман, Юрий Липинский, Александр Балуашвили, Науур Маргания и Дурмишхан Алшибая — сбился в подпольную стайку с громким названием «Смерть Берии». У каждого в семье был кто-то репрессирован: Тэмка утвездил, что его отца, дворянина, 14 декабря 1937 года застрелил лично Берия. Как и отца Эллы — Моисея Маркмана, директора Центрального строительного треста Грузии. Вот шестеро побратались и занялись писаньем и раскладыванием по почтовым ящикам листовок: «Граждане, оглянитесь вокруг! Лучшие люди расстреляны или погибли в застенках НКВД. Мерзавцы в синих фуражках полностью распоряжаются жизнью каждого из нас!»

Когда Фанни Соломоновну Маркман, мать Эллы, арестовали и отправили на 5 лет в АЛЖИР⁷, Элла с сестрой Юлей осталась в родном городе под присмотром бабушки и тети. Достойн фиксации следующий случай, невероятный для любого другого советского города, кроме Тбилиси. После ареста матери девочки неделю прятались у родственников, а когда вернулись, то оказалось, что в их бывшей — ныне опечатанной — квартире забыли кошку. Голодная, она истощенно мяукала, просила есть, и тогда только что вышедшие из подполья сестрички... поехали в НКВД! Плачущих, их провели к какому-то большому начальнику, которому они рассказали про кошку, добавив, что и сами перестанут есть, если ее не выпустят. Начальник, видимо, этого страшно испугался, раз послал с ними человека, который приехал и освободил кошку.

Странно, что «Смерть Берии» не накрыли и не раскрыли еще во время войны! Но когда весной 1948 года Тэмка Ташишвили предложил воссоздать ячейку, то повзрослевший Алшибая, испугавшись, написал 7 апреля упреждающий доклад в МГБ. После чего всю шестерку, и доносчика в том числе, арестовали в разных городах (Эллу Маркман, например, задержали 20 апреля в Батуми, препроводили в Тбилиси, через 3 дня выпусти-

вах с конфискацией имущества. А еще двоих, Шуру и Левку, — «за недонесение» (по статье 58-10 ч. 1) — к 10 годам ИТЛ.

ГУЛАГ разметал поделничков. Тэмка мотал свой срок в Коми АССР — сначала в Речлаге (Воркута), затем в Минлаге (Инта), где познакомился с Анной Ершовой — вольнонаемным врачом лагерного детского дома и своей будущей женой. Там же, в Речлаге, отбывал срок и Балуашвили. Он играл в лагерном оркестре, со временем был расконвоирован и жил за территорией лагеря. В Инте, в Минлаге, сидели Маркман и Маргания. Последний работал санитаром в сангородке (ОЛП № 5), жил и на ОЛП № 13. А Элла отбарабанила более 7 лет на общих работах: строительство домов и дорог, лесоповал. В Инту она прибыла доходягой, настолько изуродованной, настолько изуродованной, что ее этап через Ростовскую и Свердловскую пересылки, но в лагере пришла в себя и поправилась. А когда она пришла в себя, то, говоря, своим жизненным и силой воли спасла не одного заключенного.

Липинского, предположительно, этапировали в Бийск, где след его затерялся. Алшибая отправили в Степлаг (Джезказган), где он работал врачом. Там же, в Степлаге (Джезказган, Кенгир), отбывал срок и Левка. А Шуру — и не спрашивайте, каких усилий это стоило его маме, — оставили, можно сказать, под боком: в Рустави.

Элла Маркман в лагере написала такие, например, стихи:

Слушайте вы, инквизиторы! Все тюрьмы, взятые вместе,

Не остановят расплаты: он пред-
решен, ваш удел.

И мы, утопая в слезах матерей,
по колению

Омытые собственной кровью,
смотревшие смерти в лицо,

Мы будем судить вас за наше об-
манутое поколение,

За наших убитых и живо
сгнивших отцов.

Когда Берии арестовали и расстреляли, организация под названием «Смерть Берии» сорвала на зоне жидкие аплодисменты, но утратила всякий смысл.

Освободились все в 1956 году, а самые младшие — Маргания, Цыбулевский (и, возможно, Софианиди) — даже немного раньше, в 1954 году⁹. Постепенно все (кроме Липинского) вернулись в Тбилиси. Шура тогда (а может, и раньше?) влюбился в Эллу, и его, как сказал В.Ковда, «можно было понять».

Шестерку реабилитировали в 1968 году по инициативе (sic!) все того же «активиста» Алшибая¹⁰. А Цыбулевского — на целых 11 лет раньше: 7 декабря 1957 года.

Рустави с его стройкой металлургического комбината, конечно, не Кенгир и не Воркута с Интой с их общими работами, но ведь и не Боржоми. Вернулся Цыбулевский оттуда больной и разбитый. Своими инфарктами и ранней смертью он во многом обязан этим годам.

Он не любил вспоминать те годы, но кое-что из лагерной жизни попало в его стихи, прозу и устные рассказы. Борис Гасс¹¹ заметил, что в основном это были эпизоды, в которых он сам, Александр Цыбулевский, выглядел комично. Но был и рассказ о двух религиозных евреях, в лагере, вопреки всему, соблюдавших кашрут: все дерутся за баланду, а они — поев или не поев, не важно — ведут религиозные споры.

Сам Цыбулевский был евреем секулярным, но к иудаизму и его истинным представителям относился с огромным уважением. Нисан Бабаляшвили, один из ближайших его друзей по Институту востоковедения, был сыном раввина. Свои долгие беседы с ним Шура называл «кратким курсом моего еврейского университета»¹².

С сокамерниками Шура поддерживал отношения, любил их, радовался встречам. Но однажды, как вспоминали очевидцы этой сцены Шура Гвахария и Гоги Антелава, он едва не упал в обморок. Проходя мимо гостиницы «Интурист», он вдруг увидел лысого человека с авоськой в руках, мирно шедшего куда-то по своим делам. А Шура побледнел, остановился и еле выдавил из себя: «Это Павел Куциава, мой следователь, он меня бил, издевался...»¹³.

Еще до реабилитации Цыбулевский попытался поступить в

Московский литературный институт, но безуспешно: помехой стала не национальность, а неснятая судимость.

15 января 1958 года Шура подал заявление на восстановление в Тбилисском госуниверситете им. И.В.Сталина, и уже 21 января его приняли на третий курс. Назначили и стипендию (133 рубля¹⁴). Еще будучи студентом, он стал писать в местную «молодежку» — газету «Молодой ленинец».

С 20 февраля по 2 марта 1959 года в Тбилиси — в последний раз — побывал Пастернак (уж больно властям не хотелось, чтобы он торчал в Москве во время визита британского премьер-министра Макмиллана). Он остановился, как всегда, у Нины Табидзе, где его проводили два молодых поэта — Окуджава и, предположительно, Цыбулевский¹⁵.

3 мая 1960 года Цыбулевский защитил дипломную работу на тему «Метафоры и сравнения» и 29 июня 1960 года получил диплом по специальности «русский язык и литература». Приобретенная профессия — филолог, преподаватель русского языка и литературы средней школы¹⁶.

Но средняя школа так и не дождалась свежеспеченного педагога. Начиная с 22 октября 1960 года Александра Цыбулевского, прекрасного фотографа, взяли на работу в Институт востоковедения АН Грузинской ССР, куда его пригласил академик Георгий Васильевич Церетели, основатель и директор института, носящего сейчас его имя (он же Высокий Спутник из прозы Цыбулевского «Шарк-шарк»). Должность — заведующий фотолaborаторией, миссия — фиксировать события и экспедиционные находки.

Очень быстро Цыбулевский познакомился и подружился со многими замечательными коллегами — востоковедами и искусствоведами, филологами и библиотекарями. Благодаря институту он довольно много путешествовал как по Грузии, так и вдалеке от нее — по Дагестану и Средней Азии. Его среднеазиатская и дагестанская командировки вошли в ткань его прозы («Хлеб немного вчерашний» и «Шарк-шарк»).

Прежде, чем переехать в современное здание на проспекте имени Церетели (!) вблизи парка Ваке, институт помещался в одном крыле бывшего Заведения св. Нины¹⁷. В маленькой камерке над лестницей была «оборудована» фотолaborатория, в которой постоянно горел красный свет, и Шура либо кудесничал, сгорбившись, с проявителями, либо сидел в «предбаннике» и читал (а наверняка и размозжал фотоспособом) все новые книги прекрасного «издательства» самиздат.

«Кто?» — спрашивал он, не поднимая головы, если кто-то открывал дверь. А иногда и сам стоял на лестничной площадке и звал к себе, после чего отрывал востоковедов от востоковедения, подолгу читая божественные русские стихи или прозу. И это было не саботажем, а личным вкладом в создание творческой атмосферы.

Кстати, научная работа самого Цыбулевского выходила за рамки фотографии, фотометрии и фотоконверсии: однажды, например, им была обнаружена ценнейшая древняя рукопись — стихотворный вариант грузинской версии повести о Варлааме и Иоасафе XVII века (Повесть о Варлааме пустынь-

Окончание на с. 11 ➤

5. Г. Айзенберг (1923–2002) — советский кинодраматург, выступал под псевдонимом Анатолий Борисович Гребнев.

6. Впоследствии известный драматург и прозаик.

7. Агониинский лагерь жен изменников родины. См. о Ф.С. Маркман:

<http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=5056126&language=1>

8. Из интервью с К.М. Маркман. Запись от 13 июля 2011 г. (Архив НИЦ «Мемориал», СПб.). Элла Маркман хранила платок всю жизнь — и в заключении, и после своего освобождения в 1956 г. В 2011 г. она передала его в музей «Творчество и быт ГУЛАГ» при «Международном Мемориале».

9. В частности, А. Цыбулевский был освобожден 14 июня 1954 г. по указу от 24 апреля 1954 г.

10. Последний раз остатки «Смерти Берии» собирались в 1990 г.

11. Гасс Борис Львович (р. 1930 г.) — писатель, ответственный секретарь журнала «Литературная Грузия».

12. Бабаляшвили Х.-М. Шура в нашем доме // Новости недели. Приложение «Еврейский камертон». 2016. — Март. — С. 11.

13. Недоспасова М., Гвахария А., Антелава Г. Наш Шура Цыбулевский // Литературная Грузия. 1998. № 7–9. — С. 222.

14. Вдвое меньше, чем мамина пенсия.

15. Предположение строится на рассказе Окуджава об этом визите (см.: Хлебников О. Отцы и дядьки. Фрагменты документальной повести о счастливой жизни // День и ночь. 2016. № 1).

16. Диплом № 677612. Архивное дело № 7506 ТГУ им. Сталина.

17. Затем партийной школы, а ныне Министерства иностранных дел Грузии.

➤ Окончание. Начало на с. 10

нике и Иоасафе царевиче — средневековый роман-житие индийского происхождения, по своему сюжету восходящий к преданиям о Будде, представленном в романе под именем Иоасафа (Иосафата). — *Примеч. ред.*) Об этом писали в республиканской печати, а Симон Чиковани сказал: «Для меня несомненно, что это — находка поэта».

Вот эта же история в изложении Вадима Ковды, двоюродного брата Шуры: «Однажды он заехал в какой-то городок, в старинный парк, увидел дупло и соорудил, что оно было на высоте 3,5 метров, а лет 200 назад оно было несколько ниже. Он не поленился, влез рукой в это дупло и вытащил грузинскую поэму XVII века. <...> Но это поразительно, что человек соорудил, что надо влезть на дерево и сунуть руку в дупло. На какой-то период он стал национальным героем Грузии!»¹⁸ Если же посмотреть на его собственные художественные фотоработы — портреты, пейзажи, натюрморты, то понимаешь, что и фотографию он явно рассматривал как разновидность поэзии. Как точно сформулировал В.Ковда: «Его душа в них выражается не менее, чем в стихах».

Удивительнее другое: он и поэзию воспринимал и рассматривал как своего рода разновидность фотографии — магнитоидной вспышки, на мгновение выхватывающей лучиком след убегающей от шелкнувшего затвора повседневности. Со временем он даже выработал основанную на этом собственную оригинальную поэтику, зарождение и проработание которой так хорошо отразилось в записных книжках¹⁹.

Шура был довольно высоким, сильным и красивым человеком, застенчивым и немного теряющимся в женском обществе. Открытое и доброжелательное, немного удлиненное, матово-бледное лицо, обсыпанное веснушками, но при этом несколько задубевшее (как если бы оно специально обветривалось на море или в суровых экспедициях), мягкая и добрая улыбка и по-ашкеназски печальные карие глаза располагали к себе. Жесткие (а-ля Анджея Дэвис) темно-русые волосы граничили с рыжиной, но не переходили в нее.

Он был молчаливым, но не молчаливым. Говорил медленно и негромко, очень сдержанно, был глубоким собеседником. Многие искали общения с ним в расчете именно на эти серьезность и глубину. Был он обаятельным и радушным гостеприимцем, о чем хорошо знали (и чем иной раз злоупотребляли) многочисленные московские друзья.

Где-то однажды случилось (или стряслось) знакомство с Гией Маргвелашвили. Этот влюбленный в русскую поэзию грузинский филолог, этот тонкий и хитрый боец-шахматист на фронте возвращения русской литературы истомившемуся по ней читателю, этот гроссмейстер тостов, в искусстве импровизации которых он не знал себе равных, стал ближайшим Шуриным другом и чуть ли не его alter ego.

Впрочем, оба были классическими «БеллАгвардейцами» (т.е. гвардейцы, преданные Белле), готовыми в мановение ока забыть обо всем и всех, в том числе и о друге, если на горизонте появлялась Ахмадулина. Недаром героиня этого культа не стала развешивать их в своих стихах:

Счастливица, знаю, что люди другие
в другие помянут меня времена.
Спасибо! — Да тешно: как Шура
и Гия,
никто никогда не полюбит меня²⁰.

Из московских гостей Шура выделял и очень уважал — даже побиравался меткости оценок — Межирова, дружил с Владимиром Соколовым и Михаилом Синельниковым.

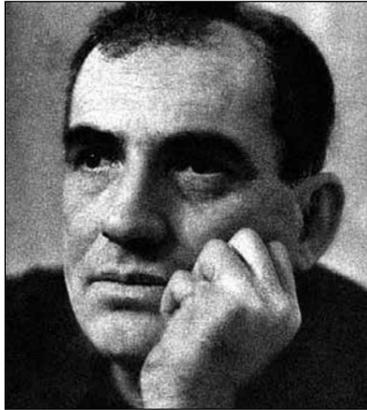
Тбилиси, Тифлис служил превосходной кулисой для одиноких или дружеских блужданий, представляя для вдохновения (не обязательно поэтического, довольно и кулинарного!) и тропинки Ботанического сада, и забегаловки на вокзалах, и каменные скамьи серных бань, и духаны на Земмеля и вокруг Колхозной, и хашные Авлабара. Нередко после обхода избранных мест из посиделок с друзьями Шура, Гия и кто-то еще заваливалась — как бы по контрасту — в по-московски опрятную и уютную квартиру Эмы и Симы Фейгиных. А если Тбилиси вдруг оказывалось недостаточно, а душа горела, то почему же не сорваться в Мцхету, Цхети или в Самтавро?

Чаще всего Шуру видели вдвоем с Гией, но его компания, его круг был гораздо шире. Большинство входивших в него были художниками: тут и Гаянэ Хачатрян, и Гоги Мазурин, и Георгий Зурабов, и Александр Бажбек-Меликов, и Василий Шухаев, и Кирилл Зданевич, и фотограф Додик Давыдов, и коллеги по институту: Шура Гвахария, Гоги Антелава, Нисан Бабликашвили, Тамаз Чхенкели, неразлучные Тома Фрадкина и Ляля Пхакадзе. Разумеется, и Элла Маркман, и Левка Софианиди, живший, правда, не в Тбилиси, а в Цинцаро²¹ возле Марнеули. И Шурином солагерник художник Валентин Сергеевич Контарев²², сухумский «Старик», постоянно возникающий

Разумеется, после Рустави Цыбулевский вернулся и к собственным стихам (или они к нему?). Его первые новые стихи — все лесенкой, под Маяковского.

Почему
не дописан
«Во весь голос»?
Не связки охрипли и стали стары?
Как это вдруг,
чтоб колосс,
будто кулос
подкошенный,
рухнул
в тартарары?..

И так далее...
Но однажды Гия дал Шуру стихи позднего Мандельштама — и велел читать. И вскоре под тяжестью прочитанного все эти лесенки-перекладинки-балайки закатились,

— 21 и 22 сентября 1948 года восемь человек судили в Тбилиси, в Военном трибунале войск МВД Грузинской ССР. Сам суд, по словам Комунэллы Маркман, был праздником: наконец-то все увидели друг друга и — «...принесли друг другу подарки. Я помню, Шурка Цыбулевский — редкость! — туалетное мыло мне подарил тогда.

у Цыбулевского на всех уровнях его словесности.

Увы, мало кто из тогдашних друзей, приятелей или гостей оставил хотя бы скупые, но письменные воспоминания о Шуре и об их общем социуме. При этом почти все написавшие — литераторы: Эммануил Фейгин, Борис Гасс, Ушанги Рижинашвили, Хая-Мерав Бабликашвили и даже Стасик Куняев (не без антисемитского запашка, как и все у него). Другие русские поэты — гости Тбилиси — составили авторский коллектив весьма обширного поэтического «Венка», посвященного Цыбулевскому (см. Приложение 2).

Еще в начале 1960-х годов Шура влюбился в Киру Вольфензон, красавицу еврейских и польских кровей²³. В середине 1960-х годов они поженились, а 1 января 1968 года у Шуры с Кирой родился чудесный младенец — сын, которого (видимо, для того, чтобы не путать с отцом) назвали Сашей. Примерно в 1970 году вся семья съехавшись в одну квартиру (или «секцию», как тогда говорили) в многоквартирном доме на Коста Хетагурова, 4 — по-над Курой²⁴. Гаянэ Хачатрян украсила Шурина полукабинетку (она же полукабинетик) своей роскошной фреской. Появился и несколько более устойчивый быт, которым управляла — увы, по своему разумению — Жека, или тетя Женя²⁵, сестра Кирино отца. На кухне поселились птвички — сначала канарейка, потом попугай Кириуша.

Но быт от этого не перестал быть менее тбилиским: и родная, и еще более близкий клан — соседи смеялись друг друга на протяжении всего дня почти без пауз, вытаскивая Шуру — одного или, если получалось, с Сашей — прочь из дома, куда-нибудь, где он еще мог рассчитывать на толику тишины и покоя.

Собственно, «карьеру» Цыбулевского-литератора (как, впрочем, и Цыбулевского-филолога) началась поздно, почти в 35-летнем возрасте, и «растянулась» всего лишь на десяток с небольшим лет.

а потом с треском рассыпались и улетели в тартарары. И вскоре уже почти любой разговор у него «сводился к Мандельштаму», как заметил Михаил Синельников.

В 1964 году Цыбулевский начинает вести свои записные книжки. Само это занятие постепенно выводит его на представление о многоуровневости словесности, на осознание своего места в ней и, как следствие, на попытку зацепить и сформулировать собственную поэтику — поэтику доподлинности.

Его друг Ушанги Рижинашвили справедливо указал на ее прямую связь с Фаустом: «Фаустовское начало — «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» — мучило, терзало, жгло его. Прекрасна жизнь во всех своих проявлениях — это единственная, непреодолимая, уже известная, но поэтом еще раз открытая и подтвержденная истина. Но прекрасна лишь длящаяся, текущая, переменчивая, неуловимая жизнь. Остановить ее — значит умертвить, обезобразить, расчленив ее. Какой же исход?»²⁶

Цыбулевский, а вслед за ним и критик, видит выход в том, чтобы «...выразить красоту жизни и себя — в ней в слове — именно в слове — это в двадцатом-то веке, когда уже есть фотография, кино, видеозапись — останавливающие, воспроизводящие, возвращающие нам любые мгновения, пусть даже самые краткие и неповторимо-неуловимые. Но только слово может ухватить явление в его динамике, первичности, незамутненности, продлить, усилить, интенсифицировать переживание»²⁷.

В середине 1960-х годов еще не печатавшиеся тогда Шурины стихи были замечены некоторыми видными грузинскими и русскими поэтами. А в 1966 году появилась первая стихотворная публикация Цыбулевского — причем в «Литературной газете», что было тогда знаком высшего качества (вступительную заметку написал Симон Чиковани). В 1967 году в тбилиском издательстве «Литература да хеловнеба» вышла его первая книжка «Что сторожат

ночные сторожа», редактором которой был Евгений Евтушенко, а автором предисловия — тот же Симон Чиковани, написавший: «В любом случае — и это главное — в стихах Цыбулевского просвечивает личность автора — человека редкой душевной чистоты, целомудрия и скромности»²⁸.

Побывал Цыбулевский и в соискателях-диссертантах²⁹, причем героем его работы был Александр Блок. Тему диссертации он дважды менял: сначала это было «Возмездие», а потом записные книжки и дневники Александра Блока, только-только появившиеся как завершение превосходного синего блокнотного многотомника. Условным научным руководителем Цыбулевского был Георгий Гиголов, но он консультировался и общался еще и с ленинградским блоковедом Владимиром Николаевичем Орловым. Сохранилось письмо Цыбулевского к нему — от 18 ноября 1967 года:

«Дорогой Владимир Николаевич! Ваше письмо я получил поздно — был в отъезде. Теперь хожу с ним и перечитываю его — Вы себе не представляете, как много оно для меня значит, ведь я в какой-то мере занимаясь Блоком давно уже создал себе Ваш культ. Вы для меня и заочно — учитель — в самом трепетном произнесении этого слова, простите, что так беззащитно прямо пишу об этом. А теперь у меня есть и Ваше письмо!

Я уже не представляю себе Блока вне артистической атмосферы Ваших комментариев — скупых и щедрых одновременно...

Гие я передал все... Он высылает Вам экземпляры девятого номера Литературной Грузии с М.Цветаевой. Гия был вчера у Марики Николаевны. Увы, ничего радостного: она не встает...

В Тбилиси — осень, несколько ветренная, но все-таки чудесная. Не собираетесь ли Вы сюда?»³⁰

Затем письмо переключается на самого автора:

«Радостно, что книжка моих стихов чем-то близка Вам. Это давние мои стихи — впрочем, ссылка на давность, конечно, не оправдание. Теперь стихов писать не умею, учусь прозе. Причем сознательно оправдываю ее традицией (может быть, можно говорить о традиции) — прозы Блока, как она у него писалась в дневниках и записных книжках... То, что получается у меня, вероятно, можно упрекнуть в некотором эстетизме — дурном.

Традиция Блока... кое-где у меня она появляется и сам, конечно, поневоле — обедненный образ.

Если Вам интересно и найдется сейчас для этого время, то я пришлю Вам образец этой прозы (Последнее — 98 стр. на машинке).

С уважением и любовью,
Шура. 18/XI 1967»³¹

Но диссертация о Блоке так и осталась ненаписанной. Шоком и камнем преткновения для Цыбулевского стал блоковский антисемитизм: выросший в Тбилиси — городе, где юдофилия доходила до того, что собравшихся в Израиль отказников не выгоняли не только с работы, но и даже из партии, — он был особенно чувствителен к этому.

12 июня 1969 года русская секция Союза писателей Грузии под председательством Э.Фейгина постановила принять А.Цыбулевского в Союз писателей СССР. Свои рекомендации ему дали А.Межиров, Ф.Гвалтвадзе и Г.Маргвелашвили. Но Союз писателей Грузии не торопился со своим окончательным решением. Только 8 января 1971 года, по представлению Г.Абашидзе, он принял Цыбулевского в ряды Союза писателей СССР³².

На стыке 1960-х и 1970-х годов у него было несколько заметных публикаций в периодике, но исключительно в русскоязычной, выходящей в Грузии, —

в журнале «Литературная Грузия» и ежегоднике «Дом под чинарами». Печатались и стихи, и проза, и немногочисленные переводы с грузинского (из Галактиона Табидзе, Карло Каладзе, Тариэла Чантурия, Мориса Поцхишвили и других), а также отрывки из диссертации о переводах Важа Пшавела.

Наконец, в 1973 году в издательстве «Мерани» вышла вторая книга Цыбулевского — «Владелец Шарманки» (первая вышла в 1967 году. — *Примеч. «30 октября»*), в которой он собрал свои лучшие стихи и прозаические вещи. О планах автора на будущее свидетельствовало само название одного из циклов стихов — «Строфы для третьей книги». Но третьей прижизненной поэтической книги у Цыбулевского не было.

Диссертацию он все же напишет — сравнительный анализ переводов поэм Важа Пшавела великими русскими поэтами. К защите вышла книга-диссертация «Русские переводы поэм Важа Пшавела (проблемы, практика, перспектива)», опубликованная тбилиским издательством «Мецниереба» в 1974 году под редакцией А.А.Гвахария. Саму диссертацию поэт защитил лишь за несколько недель до смерти!..

Заболев, Шура лежал в больнице на Авлабаре (район Тбилиси), окна палаты смотрели на Метехи. Умер он дома, успев прочесть читательские письма, пришедшие на его «Владельца шарманки», но не успев на них ответить.

Коллеги по институту писали в некрологе: «В последние дни своей жизни он молча сидел на балконе и часами смотрел на старый город, словно не мог наглядеться. Он угасал, светлел внутренне... В гробу он был прекрасен, нечеловечески красив...»³³ Самое последнее из его желаний — поест хинкали — не исполнилось: Гоги Антелава хотя и нашел нужное заведение и принес хинкали, но через час Шуры не стало.

Александр Цыбулевский умер 17 июня 1975 года. Насколько много — даже по грузинским масштабам — у него было друзей и знакомых, стало ясно 20 июня, в день его похорон: в Навтлуги, на русско-еврейском кладбище собралась не одна сотня людей³⁴, и многие увиделись там впервые...

Семейная могила Цыбулевских — недалеко от входа. Кроме Шуры в ней лежат его родители и бабушка.

Павел НЕРЛЕР

18. Нерлер П. Вечер памяти Александра Цыбулевского // Семь искусств. Интернет-журнал. 2011. № 21. В сети: <http://7iskusstv.com/nomer.php?srce=21>

19. Там же.

20. См. полный текст в Приложении 2 («Венки»).

21. Древнее село в Цахкском районе в Южной Грузии (Квемо-Картли). В записных книжках А.Ц. встречается название как Цинцаро, так и Цин-Цуаро.

22. Валентин Сергеевич Контарев (1888–1968) обучался живописи и скульптуре — в Высшем училище живописи, ваяния и зодчества в Москве (1907–1912), истории искусств — в Московском археологическом институте, медицине — в ростовском Донском университете, а игре на скрипке — в Донской консерватории. С 1925 г. жил в Сухуме, где имел ювелирно-граверную мастерскую, преподавал в художественной школе историю искусств, анатомию, графику и композицию. Один из организаторов Союза художников Абхазии, его персональная выставка состоялась в 1934 г. в Сухуме. Был репрессирован и находился в том же лагере в Рустави, что и Цыбулевский. В лагере Контарев написал его портрет.

23. Ее польский дедушка был, по разным рассказам, не то губернатором, не то одним из архитекторов Батума.

24. «Пограничье», как его назвал Фейгин в своей посвященной Цыбулевскому прозе. Шура жил в шестом подъезде на пятом этаже.

25. Лицом — копия с Надежды Яковлевны Мандельштам.

26. Рижинашвили У. Уроки лирики // Дом под чинарами 1976. Тбилиси, 1976. — С. 126.

27. Там же.

28. Чиковани С. [Предисловие] // Что сторожат ночные сторожа. Тбилиси, 1967. — С. 8.

29. Кандидатские экзамены были сданы в 1965 г.

30. РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 289. С припиской В. Орлова: «Александр Цыбулевский — очень талантливый человек, поэт и прозаик. Рано умер...»

31. Проза Цыбулевского в архиве В.Н. Орлова не сохранилась, зато сохранились стихи: РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 474.

32. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 40. Д. 1370. Между прочим, одновременно приняли Звиада Гамсахурдию.

33. Недосасова М., Гвахария А., Антелава Г. Наш Шура Цыбулевский // Литературная Грузия. 1998. № 7–9. — С. 223–224.

34. Некоторых московских гостей разместили у себя соседи Цыбулевского.

35. Как ее найти: от центрального входа (он единственный) пройти метра 3, свернуть налево, пройти до третьей аллеи и следовать по ней буквально метров 10.

На снимках: Александр Цыбулевский. Фото из архива семьи Маргвелашвили

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1922. 10 августа

Вышел декрет ВЦИК «Об административной высылке», предусматривавший «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», их выдворение без суда «за границу или в определенные местности СССР». На основании этого декрета в августе–ноябре 1922 г. арестовали, а затем выслали в Германию и Латвию философов, писателей и ученых, творчество которых было сочтено враждебным коммунистической диктатуре. «Философский пароход» в узком смысле – собирательное имя для двух рейсов немецких пассажирских судов – Oberbürgermeister Haken (29–30 сентября) и Preussen (16–17 ноября), доставивших из Петрограда в Штеттин более 160 человек. Людей высылали также на пароходах из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы в Латвию и Германию. Среди них были философы Николай Бердяев, Иван Ильин, Федор Степун, Семен Франк, писатель Михаил Осоргин, историки Александр Кизеветтер, Сергей Мельгунов, Юлий Айхенвальд и др. Операцию по высылке проводило ОГПУ по решению политбюро, инициатором был лично В.И. Ленин.

1937. Август

Начались массовые репрессии НКВД против «антисоветских элементов», «шпионов», «диверсантов» и «врагителей» в армии, в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, а также против «национальных контингентов»: поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, греков, афганцев, иранцев, китайцев, корейцев, румын (всего было определено 12 «шпионских» наций, включая «КВЖДинцев» – граждан СССР, приехавших из Маньчжурии после продажи советским правительством в 1935 г. Китайско-Восточной железной дороги Японии). Следователи НКВД получили право неограниченного применения пыток против подозреваемых. Статистика арестов и расстрелов с октября 1936 г. по ноябрь 1938 г. была опубликована в 2007 г. в № 74 «30 октября». За это время органы госбезопасности арестовали не менее 1,7 млн человек, из них не менее 724 тысяч были приговорены к расстрелу.

1937. 15 августа

Вышел оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Н.Ежова № 00486 о репрессировании жен и «социально опасных детей» изменников родины и членов «правотроцкистских организаций». Приказ устанавливал меры наказания: женам – 5–8 лет исправительно-трудовых лагерей, детям – заключение в исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии или отправка в детские дома особого режима. В записке НКВД Сталину от 5 октября 1938 г. сообщалось, что всего на основании приказа № 00486, «по неполным данным, репрессировано свыше 18 тыс. жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3 тыс. и по Ленинграду около 1500 человек». В январе 1939 г. нарком внутренних дел доложили, что в 1937–1938 гг. всего по Союзу было «изъято» 25 342 ребенка.

1952. 3 августа

В Хельсинки завершились Игры XV Олимпиады, в которых впервые (и успешно) выступили советские спортсмены: по числу медалей они уступили только сборной США. Однако вскоре после возвращения на родину последовало наказание за проигрыш в футбол «фашистской» Югославии. Была расформирована футбольная команда ЦДСА, игроки

которой составляли костяк сборной. Команду ЦДСА воссоздали в 1953 г.

12 августа

По приговору Верховного суда СССР в Москве были расстреляны 13 обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета: С.Лозовский, П.Маркиш, И.Фефер, И.Юзюфович, Б.Шимелиович, Л.Квитко, Д.Бергельсон, Д.Гофштейн, В.Зускин, Л.Тальми, И.Ватенберг, Ч.Ватенберг-Островская, Э.Теумин. Казненные были членами официальной советской организации, основанной во время войны, но их обвинили в измене родине и шпионаже. По подсчетам исследователей, в связи с делом ЕАК в 1948–1952 гг. были арестованы 110 человек. Все они были впоследствии реабилитированы. В 1992 г. в Иерусалиме был установлен памятный знак расстрелянным членам ЕАК. В Москве сооружен памятник на Донском кладбище на месте их тайного захоронения, а дом, где проходили заседания ЕАК (ул. Пречистенка, 10), отмечен мемориальной доской.

1957. Август

В Москве были арестованы участники подпольной группы «Союз патриотов России», известной также как «Кружок Краснопевцева». Основу кружка составляли преподаватели и выпускники исторического факультета Московского университета. Лидером кружка был историк Л.Н.Краснопевцев. Его работа «Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах», объяснявшая кризис социалистической системы, стала программной для кружка. В июле 1957 г. члены кружка составили и распространили листовки с критикой Хрущева и призывами к проведению партийной дискуссии, внеочередного съезда партии, созданию рабочих советов на предприятиях по примеру Югославии, к забастовкам протеста. В феврале 1958 г. 9 участников кружка были осуждены к длительным срокам заключения, к остальным были применены внесудебные меры: исключение из КПСС, из ВЛКСМ, увольнение с работы.

1967. 3 августа

Был арестован Вячеслав Черновол (Черновил) – журналист, один из будущих лидеров украинского национального движения. Этот арест был ответом властей на заграничную публикацию составленного Черноволом документального сборника «Горе от ума» об украинских инакомыслящих, арестованных в 1965–1966 гг. В украинской исторической литературе эта репрессивная кампания получила название первой волны арестов (о второй волне см. 1972 г., август–сентябрь). В ноябре Львовский областной суд приговорил Черновола к 3 годам лишения свободы. Он был освобожден в 1969 г. (в связи с амнистией срок был сокращен). Выйдя на свободу, Черновол продолжил общественную деятельность.

1972. Август–сентябрь

На Украине прошли суды над известными диссидентами. К длительным срокам лишения свободы были приговорены поэты Василь Стус и Ирина Калинец, бывший политзаключенный Иван Гель, ученый Зиновий Антонюк, журналист Михаил Осадчий, инженер Василий Долишний и др. Поводом к арестам стала операция органов госбезопасности УССР. Гражданин Бельгии Ярослав Добош, член эмигрантского Союза украинской молодежи, был арестован в Киеве в январе 1972 г. Через несколько дней начались аресты диссидентов в разных

городах Украины. В течение 12–14 января по обвинению в «антисоветской пропаганде» за решеткой оказались 12 человек. В течение года были арестованы по меньшей мере еще столько же. На пресс-конференции в июне 1972 г., организованной КГБ, Добош «сознался» в том, что выполнял роль связного между эмигрантскими антисоветскими центрами и их «агентурой» – украинскими инакомыслящими. Вскоре его выслали из СССР.

Вернувшись в Бельгию, Добош публично отказался от своих показаний, заявив, что они были даны под давлением.

31 августа

Постановлением Совета министров СССР № 655 было внесено дополнение в статью 74 устава Союза ССР. Абзац, внесенный в устав, запрещал использование телефонной связи «в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку». Обновленная статья позволила «законно» отключать у инакомыслящих домашние телефоны. Об одном из таких отключений Владимир Войнович написал сатирическое открытое письмо-памфлет «Совершенно секретно! Министру связи СССР т. Талызину Н.В.».

1977. 15 августа

Распорядители Фонда помощи политзаключенным в СССР Кронид Любарский и Татьяна Ходорович впервые обнародовали список советских политзаключенных и ссыльных (272 человека). Кронид Любарский, который вскоре был принужден к эмиграции, за границей продолжил регулярную публикацию списков политзаключенных. Эти списки он издавал до последних лет существования СССР.

28 августа – 1 сентября

На VI конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации в Гонолулу (Гавайи, США) центральной темой стало использование психиатрии в СССР в политических целях. Такое внимание к этой проблеме удалось привлечь впервые. Было принято решение создать в ассоциации «Комитет по расследованию случаев злоупотребления психиатрией». Резолюция конгресса осудила систематические злоупотребления психиатрией в СССР. Ранее, 5 января 1977 г., при МХГ была организована рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. В июне 1977 г. по инициативе Вячеслава Бахмина РК начала выпускать собственное периодическое издание «Информационный бюллетень». Бюллетени выходили с 1977 г. по 1980 г. Всего вышло 24 номера. В них публиковались списки узников психиатрических лечебниц, материалы по психиатрическим репрессиям прошлого, сообщения об арестах членов РК и др.

1987. 23 августа

В Риге, Таллине и Вильнюсе в годовщину подписания пакта Молотова–Риббентропа прошли массовые демонстрации с целью привлечь внимание Москвы и мировой общественности к содержанию пакта и его последствиям для прибалтийских народов. Эти выступления положили начало процессу, завершившемуся провозглашением независимости республик Балтии.

«Союз революционных ленинцев» (другой вариант названия – «Союз революционных ленинцев»). Участники этой подпольной группы Виктор Трофимов, Борис Пустынцев, Александр Голиков, Иван Потапов, Владимир Тельников, Валентин Мальхин, Борис Хайбулин и Владислав Петров были приговорены к лишению свободы на сроки от 3 до 10 лет лагерей.

1967. 5 сентября

Вышел указ президиума Верховного совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». Указ снял с крымскотатарского народа обвинения в коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, но не дал ему права возвращения на родину. В 1967–1973 гг., по официальным данным, в Крыму поселилось только 3496 крымских татар, основная часть – в связи с кампанией по «организованному набору рабочей силы». Активизировалось национальное движение крымских татар, лидером которого был опальный генерал П.Г. Григоренко.

1977. 22 сентября

В Киеве был арестован писатель и кинематографист Гелий Снегирев. В 1974 г. его исключили из партии и творческих союзов за публикации в самиздате и на Западе. Поводом к аресту стал отказ Снегирева от советского гражданства. Следствию удалось сломить тяжелобольного и практически слепого человека: за несколько месяцев до смерти он подписал продиктованное письмо об отказе от своих взглядов, за что ему было позволено умереть на свободе.

1982. 6 сентября

Московская Хельсинкская группа приостановила свою работу ввиду угрозы судебного преследования ее тогдашнего фактического руководителя (после ареста основателя МХГ Ю.Ф. Орлова) адвоката Софии Васильевны Каллистратовой. О самороспуске группы было объявлено в последнем документе МХГ (№ 195). В 1989 г. МХГ возобновила работу под руководством Ларисы Иосифовны Богораз и продолжила ее под руководством Людмилы Михайловны Алексеевой.

1987. 3 сентября

В Париже умер писатель, фронтовик, правозащитник Виктор Платонович Некрасов (род. в 1911 г.). Его книга «В окопах Сталинграда» (1946 г.) настолько отличалась от остальной литературной продукции на военную тему, что само ее появление в печати и официальное признание (Сталинская премия, 1947 г.) стали событиями. Книга выдержала 120 изданий на русском и иностранных языках. За независимый стиль в литературе писателя подвергли критике и проработкам в 1962 г., а со второй половины 1960-х гг. давление на Некрасова стало усиливаться: новые проработки, исключение из партии, обыски. Таким был ответ власти на подписи Некрасова под петициями и его собственные тексты в защиту людей, преследуемых по политическим мотивам. В 1974 г. писатель эмигрировал из СССР в Швейцарию, а затем во Францию. Виктор Некрасов похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

На снимке: Задержания на митинге сторонников латвийской независимости у памятника Свободы в Риге, 1987 г. Фото из Архива кино-фото документов Латвии

Учредитель:
Международная общественная организация
«Международное историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесён в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:
129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера участвовали
Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 139 от 23.08.2017 г. (август – сентябрь 2017). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.
Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно